

Հարգելի՛ ընթերցող,

Արցախի Երիտասարդ Գիտնականների և Մասնագետների Միավորման (ԱԵԳՄՄ) նախագիծ հանդիսացող **Արցախի Էլեկտրոնային Գրադարանի** կայքում տեղադրվում են Արցախի վերաբերյալ գիտավերլուծական, ճանաչողական և գեղարվեստական նյութեր՝ հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն լեզուներով: Նյութերը կարող եք ներբեռնել ԱՆՎՃԱՐ:

Էլեկտրոնային գրադարանի նյութերն այլ կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ ԱԵԳՄՄ-ի թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Շնորհակալություն ենք հայտնում բոլոր հեղինակներին և հրատարակիչներին՝ աշխատանքների էլեկտրոնային տարբերակները կայքում տեղադրելու թույլտվության համար:

Уважаемый читатель!

На сайте **Электронной библиотеки Арцаха**, являющейся проектом **Объединения Молодых Учёных и Специалистов Арцаха (ОМУСА)**, размещаются научно-аналитические, познавательные и художественные материалы об Арцахе на армянском, русском и английском языках. Материалы можете скачать БЕСПЛАТНО.

Для того, чтобы размещать любой материал Электронной библиотеки на другом сайте, вы должны сначала получить разрешение ОМУСА и указать необходимые данные.

Мы благодарим всех авторов и издателей за разрешение размещать электронные версии своих работ на этом сайте.

Dear reader,

The Union of Young Scientists and Specialists of Artsakh (UYSSA) presents its project - **Artsakh E-Library** website, where you can find and download for FREE scientific and research, cognitive and literary materials on Artsakh in Armenian, Russian and English languages.

If re-using any material from our site you have first to get the UYSSA approval and specify the required data.

We thank all the authors and publishers for giving permission to place the electronic versions of their works on this website.

Մեր տվյալները – Наши контакты - Our contacts

Site: <http://artsakhlib.am/>

E-mail: info@artsakhlib.am

Facebook: <https://www.facebook.com/www.artsakhlib.am/>

ВКонтакте: <https://vk.com/artsakhelibrary>

Twitter: <https://twitter.com/ArtsakhELibrary>

Жан Пикте

**РАЗВИТИЕ И ПРИНЦИПЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ГУМАНИТАРНОГО
ПРАВА**

Международный Комитет Красного Креста

РАЗВИТИЕ И ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

**Курс, прочитанный
в июле 1982 г. Жаном Пикте
в Страсбургском университете в рамках
информационной сессии, организованной
Международным институтом прав человека.**

Международный Комитет Красного Креста

РАЗВИТИЕ И ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Краткая биография Ж.Пикте	4
Основные публикации	5
Введение	6
РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ.	10
- Древние века	11
- Средние века	18
- Современность	26
- Образование Красного Креста	35
РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНЫХ КОНВЕНЦИЙ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ.	38
- Женевская конвенция о защите раненых на поле боя	38
- Морская конвенция.	44
- Положение военнопленных	46
- Защита гражданского населения от произвола	52
- Внутренние вооруженные конфликты	58
- Право войны	64
ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.	77
- Преамбула	78
- Основные принципы	79
- Общие принципы	82
- Принципы, относящиеся к жертвам конфликтов (Женевское право)	88
- Принципы, относящиеся к праву войны	92
ПРИРОДА ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.	101
- Право и война	101
- Право и государство	111
- Право и индивидуум	118
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.	123

Краткая биография

Жан Пикте, член Международного Комитета Красного Креста, недавно оставил свою профессиональную деятельность. На протяжении многих лет г-н Пикте выполнял целый ряд важных функций в МККК и был хорошо известен в университетских кругах. Надо заметить, что он являлся Вице-президентом МККК и Председателем юридической комиссии МККК. Он также был адъюнкт-профессором Женевского университета, Президентом и директором Института Анри Дюнана.

Жан Пикте получил степень бакалавра, а затем доктора юриспруденции в Женевском университете, был удостоен звания *почетного доктора* в университетах Лейдена, Лувена и Цюриха. В 1935 г. он проходил адвокатскую практику в Вене и Женеве. В 1937 г. - занимал пост Секретаря по правовым вопросам, а позднее (1946 г.) - директора Международного Комитета Красного Креста. На нем, в частности, лежала ответственность за всю подготовительную работу к принятию в 1949 г. четырех Женевских конвенций о защите жертв войны. Он участвовал в качестве эксперта в работе Дипломатической конференции 1949 года, руководил публикацией четырех Комментариев к Женевским конвенциям и подготовкой общего доклада о деятельности Международного Комитета Красного Креста во время второй мировой войны. Г-н Пикте читал лекции в Академии Международного права в Гааге (1950 г.), ему принадлежит основная заслуга в работе по развитию Международного гуманитарного права, выполненной Международным Комитетом Красного Креста, поскольку он являлся главой делегации МККК на Дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов (1974 - 1977 гг.).

Основные публикации

- *La Croix-Rouge et les Conventions de Genève* (Paris, 1950).
- *Commentary on the First Geneva Convention of 1949* (Geneva, 1952).
- *Red Cross Principles* (Geneva, 1956).
- *Commentary on the Second Geneva Convention of 1949* (Geneva, 1960).
- *The Principles of International Humanitarian Law* (Geneva, 1966).
- *Humanitarian Law and the Protection of War Victims* (Leiden, 1975).
- *The Fundamental Principles of the Red Cross, Commentary* (Geneva, 1979).
- *Une Institution unique en son genre: Le Comité International de la Croix-Rouge* (Genève, Paris, 1985).

Многочисленные брошюры и статьи в научных журналах.

- *Etudes et essais sur le droit international humanitaire et sur les principes de la Croix-Rouge / Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles en l'honneur de / in honour of Jean Pictet* (Genève / La Haye, 1984)

ВВЕДЕНИЕ

В начале этого исследования было бы полезно вспомнить некоторые основные моменты.

1. *Задачей международного гуманитарного права является регулирование военных действий с целью облегчения приносимых ими невзгод и лишений¹.*

Гуманитарное право - это значительный раздел международного права, проникнутый духом гуманности и направленный на защиту индивидуума в военное время.

Когда автор впервые предложил термин «гуманитарное право», ему было замечено, что он объединил две слишком разные идеи: юридическую и нравственную. Что ж, положения, составляющие этот раздел, являются, по сути, переносом нравственных, а точнее, гуманитарных отношений в сферу международного права. Так что термин кажется удовлетворительным.

Именно благодаря тому, что этот раздел права так тесно связан с гуманностью, он имеет такое значение, поскольку именно от этого раздела и ни от какого другого будет зависеть жизнь и свобода миллионов людей, если война своей злой тенью накроет мир.

Термин «международное гуманитарное право», принятый вскоре большинством публицистов, сейчас стал полуофициальным.²

Гуманитарное право состоит из двух разделов, один носит название «Женевское право», другой — «Гаагское право».

2. *Женевское право, или собственно гуманитарное право, охраняет интересы военных, вышедших из строя, и лиц, не принимающих участие в боевых действиях.*

¹ООН обычно использует синонимичное выражение «право вооруженных конфликтов».

²Он вошел в название Женевской дипломатической конференции (1974-1977 гг.) по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов.

Оно состоит из четырех Женевских конвенций 1949 г. и двух Дополнительных протоколов к ним 1977 г., которые составляют внушительный свод положений, насчитывающий около шестисот статей, которые представляют собой систему правил, нацеленных на защиту индивидуума во время вооруженных конфликтов. Женевское право имеет чисто гуманитарный характер, - изначальный элемент цивилизации и мира, - и отражает основные идеалы Красного Креста. Международный Комитет Красного Креста (МККК) был инициатором его создания и развития. И теперь оно составляет правовую основу деятельности по защите и оказанию помощи, осуществляемой МККК, этим нейтральным органом Красного Креста во время вооруженных конфликтов.

Женевское право было разработано исключительно в интересах жертв войны, оно, в отличие от Гаагского права, не дает государствам никаких прав в ущерб индивидууму. В Женеве было положено начало эпохи приоритета человеческой личности и принципов гуманизма.

3. *Гаагское право, или «право войны», обуславливает права и обязанности воюющих сторон при проведении военных операций и ограничивает выбор средств нанесения ущерба.*

Несомненно, создатели текстов Гаагского права также вдохновлялись идеалами гуманизма. Однако цель этого права - регулировать военные действия, и в соответствии с этим оно частично основано на понятии военной необходимости и сохранении государства.

Это право явилось, в основном, результатом Гаагских конвенций 1899 г., пересмотренных в 1907 г. Из него необходимо исключить очень важные разделы, относящиеся к статусу военнопленных, раненых и лиц, потерпевших кораблекрушение во время военных действий на море, и гражданских лиц на оккупированных территориях, - разделы, которые в 1929 и 1949 гг. были включены в Женевское право, поскольку логически они имеют к нему прямое отношение.

Протоколы, недавно принятые в дополнение к Женевским конвенциям, содержат положения традиционно относившиеся к Гаагскому праву, например, о поведении комбатантов (участников боевых действий) и - в главе, имеющей чрезвычайную важность, - о защите гражданского

населения во время военных действий. Таким образом, различия между Гагским и Женевским правом, похоже, постепенно стираются.

Однако, две области все же определенно относятся к Гагскому праву: Конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей, подписанная в Гааге, и Конвенция, подписанная в Женеве 10 октября 1980 г. под эгидой ООН, о запрещении или ограничении использования определенных видов обычных вооружений.

4. Теперь пора коротко пояснить, как взаимосвязаны международное гуманитарное право и законодательство о правах человека, цель которого — гарантировать индивидууму в любое время возможность пользоваться основными правами и свободами, а также обеспечить ему защиту от социальных бедствий.

Главная роль в этом вопросе принадлежит ООН как преемнику Лиги Наций. Активно действуют в своих географических зонах такие региональные организации как Совет Европы и Организация Американских Государств.

В смысле собственно нормотворчества международное гуманитарное право началось с первой Женевской конвенции 1864 г., а законодательство о правах человека - со Всеобщей Декларации 1948 г.

Идеологически обе отрасли имеют одни и те же исторические и философские корни. Обе зародились в доисторический период благодаря необходимости защитить человека от угрожающих ему враждебных сил. Это общее происхождение породило два стремления: минимизировать бедствия, причиняемые войной, и защитить человека от произвола. В ходе исторического развития эти стремления развивались параллельными путями.

Считается, что в правах человека представлены наиболее общие принципы, в то время как гуманитарное право носит исключительно специфический характер, так как оно применяется лишь с момента начала войны, поскольку война может помешать осуществлению прав человека или ограничить их.

Эти две юридические системы различны. В то время как гуманитарное право вступает в силу только в ситуациях

вооруженных конфликтов, законодательство о правах человека действует главным образом в мирное время и содержит статьи, ограничивающие его применение в военное время. Кроме того, законодательство о правах человека регулирует отношения между государством и его собственными гражданами, а гуманитарное право - между государством и гражданами государства противника.

В заключение необходимо отметить, что эти две отрасли права близки, но различны и должны оставаться такими, поскольку они прекрасно дополняют друг друга.

Если бы мы задались целью объединить их под общим названием, можно было бы придумать термин «право гуманности», которое могло бы быть определено следующим образом:

Право гуманности есть совокупность международно-правовых положений, обеспечивающих личности уважение и возможность самовыражения.

I. РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ.¹

Мы знаем, что право чаще следует за событиями, нежели предшествует им. Можно сказать, что один из основных элементов права — это преемственность и постоянство, так как именно его реализация на практике придает ему необходимую форму. Именно по этой причине, хотя мы и не всегда отдаем себе в этом отчет, история занимает такое важное место в изучении правовых дисциплин.

Попробуем обрисовать эволюцию гуманитарной мысли на протяжении веков и посмотрим, какие события повлияли на формирование права, исследование которого мы предприняли.

Идея защиты человека от бедствий военного времени и произвола не нова. Зародившись на заре человечества, она постепенно набирала силу и сегодня переживает свой пик.

Движение, порожденное ею, идет в ногу с развитием цивилизации, с которым оно неразрывно связано. Как и сама цивилизация, это движение прошло через периоды внезапного ускорения, застоя и возврата к прошлому, которые, как верстовые столбы, отмеряют его путь в веках.

Понятно, что все эти удачи и неудачи всего лишь эпизоды в грандиозной борьбе, начавшейся на заре человечества между теми, кто хочет сохранить, объединить и освободить человечество и теми, кто стремится властвовать над ним, поработить и погубить его, в вечной борьбе между Эросом и Танатосом, взаимно дополняющими и тесно связанными друг с другом.

Обзор, который мы предлагаем сделать, продемонстрирует, что можно обуздать насилие, смягчить страдание и предотвратить бесцельные смерти. Мы также увидим, как длинна и трудна дорога к тому единству, без которого нельзя построить ничего великого и долговечного.

¹ Исторические факты, упоминаемые в этой главе, взяты, главным образом, из работ И. Хардинга, Г. Фера, П. Буасье, Х. Курсье и Г. Драппера, указанных в библиографии.

1. Древние века.

Корни гуманитарного права лежат гораздо глубже, чем долгое время полагали некоторые европейские авторы с узким кругозором, склонные считать временем его зарождения Средние века. В действительности законы войны так же стары, как сама война, а война так же стара, как жизнь на земле.

Даже современные натуралисты, изучая низкоразвитый интеллект животного мира, выявили примитивные правила войны. Среди представителей одного вида животных, например, инстинкт агрессии обычно не доводит до убийства противника. Поединок регулируется определенными правилами: олени сражаются только с помощью рогов, а в драке между волками или собаками слабый сдается, подставляя иногда при этом глотку победителю, который воздерживается от смертельной хватки.²

На ранней стадии развития человеческого общества преобладало то, что мы называем «законом джунглей». Триумф самого сильного или самого вероломного сопровождался чудовищной бойней и невообразимыми зверствами. Кодекс чести не позволял воинам сдаваться, они должны были победить или умереть без всякой пощады. Однако даже в этот период, особенно среди оседлых народов, мы находим следы попыток смягчить ужасы войны. Археологи обнаружили, что за ранеными в бою в эпоху неолита ухаживали, многие скелеты являют собой доказательства того, что уже практиковались вправления суставов и даже трепанация.

Изучение диких народов нашего времени дает некоторое представление о природе первобытного человека на заре цивилизации. В Папуа, где племена постоянно воюют между собой, противника всегда предупреждают заранее о времени начала военных действий, и война не начинается, пока оба противника не будут готовы. Наконечники стрел не имеют зазубрин, чтобы не наносить противнику излишнего вреда. Война прекращается на 15 дней, когда убивают или тяжело

² G. Fehr.

ранят человека, и это перемирие настолько свято соблюдается, что враждующие стороны даже не выставляют часовых.

В целом, — писал Квинси Райт, — войны первобытных народов иллюстрируют международные правила ведения войн, существующие в настоящее время: правила, определяющие типы противников, определяющие обстоятельства, которые устанавливают нормы и основания для начала и конца военных действий, правила, устанавливающие количество участников, время, место и методы ведения войны и даже правила объявления войны вне закона³.

Можно сослаться и на тот факт, что участникам поединка предоставлялись равные возможности (в этом истоки рыцарских законов), и на неприкосновенность, гарантируемую гостю, даже если это враг, и тем, кто нашел убежище в стенах храма. Некоторые авторы считают, что частично эти обычаи можно объяснить страхом перед гневом богов или духами умерших, либо желанием поддерживать добрые отношения с соседями.

Каково же было положение вещей в великих цивилизациях древности с 3000 до 1500 года до нашей эры? Их экономика основывалась главным образом на рабстве, иногда приобретавшем колоссальный размах, поскольку оно предоставляло уникальную возможность ирригации пустынных земель. Целые народы были порабощены и обрабатывали земли и возводили грандиозные сооружения, руины которых поражают нас до сих пор. Несмотря на то, что рабство отвратительно, оно было шагом вперед, поскольку означало, что жизнь захваченных в плен врагов будет сохранена.⁴ Таким образом, корыстные интересы иногда могут сослужить хорошую службу человечеству, какими бы низменными они ни были.

Гуманные деяния некоторых правителей и народов тем более замечательны, что были редки. Сначала — будто отдельные вспышки далеких зарниц во мраке ночи, впоследствии они превратились в ровное сияние, принесшее

³ *A Study of War*, 1942.

⁴ G. Fehr.

свет всему миру. Наконец, с ростом городов, формированием наций и развитием международных связей, около 2000 г. до нашей эры возникли первые законы того права, которое впоследствии было названо международным.

Уже у шумеров военные действия были вполне организованным процессом, сопровождавшимся объявлением войны, возможностями для перемирия, неприкосновенностью парламентариев и, наконец, мирным договором. Вавилонский царь Хаммурапи провозгласил знаменитый кодекс, носящий его имя, который начинается со слов: «Я устанавливаю эти законы, чтобы не дать сильным покорить слабых». Обычно заложников отпускали после внесения выкупа.

Культура Древнего Египта была проникнута заботой о людях. «Семь Деяний Истинного Милосердия» призывают «накормить голодного, напоить жаждущего, одеть раздетого, дать приют страннику, освободить пленного, вылечить больного, похоронить мертвого». Заповедь, датируемая вторым тысячелетием, учит: «Накорми врага своего». Нельзя было причинить вред гостю, даже если он враг.

В цивилизации хеттов, открытой археологами чуть более столетия назад, существовали поразительно гуманные правила ведения войны. Они имели свод законов, основанный на принципах честности и справедливости. Они объявляли войну и подписывали мирные договоры. При капитуляции вражеских городов их население обычно не страдало. С городами, оказавшими сопротивление, обходились более жестоко, но и в этом случае очень редко устраивалась резня или население обращалось в рабство. Такая снисходительность очень непохожа на жестокость ассирийцев, чьи победы сопровождались ужасными зверствами.

Война между египтянами и хеттами закончилась в 1269 г. до нашей эры заключением справедливого мира, который положил начало дружеским отношениям между двумя государствами.

В первом тысячелетии до нашей эры в Азии процветали новые цивилизации. В то время как индуизм призывал предоставить каждого человека его собственной судьбе, буддизм взял своим лозунгом сострадание, считая, что

именно оно приведет к взаимопомощи. Лао Дзы полагал, что единственная ценность человека в служении людям, а Конфуций проповедовал действенный альтруизм, основанный на солидарности и знаниях. Мех-ти ввел понятие всеобщей любви как источника взаимной пользы⁵. К сожалению, во всех странах и во все времена люди не желали руководствоваться этими заповедями.

В Персии Заратустра учил терпимости, а Кир прославился тем, что лечил раненых халдеев так же, как своих собственных солдат.

В исторических книгах Ветхого Завета много преданий о кровавых боях. Они совершались по указанию Всевышнего и именно Он запретил идущим в Землю Обетованную любые контакты с их врагами. Но даже в то время законом талиона устанавливались пределы насилия, т.к. в качестве наказания виновный лишался зуба или глаза, но не жизни. Другие разделы Библии, в отличие от вышеперечисленных, запрещали израильтянам убивать врагов, сдающихся на милость победителя, призывали к милосердию по отношению к раненым, женщинам, детям и старикам. Военнопленных, однако, обращали в рабов по обычаю времени.

Не менее важны и значимы древнеиндийские письменные источники. Эпос Махабхарата и законы, отраженные в легендах о Ману, первом человеке, явились кодексом воина, который, вероятно, намного обогнал свое время: воинам запрещалось убивать вышедших из строя врагов и тех, кто сдается. После выздоровления раненых военнопленных их предписывалось отправлять на родину. Некоторые правила этого кодекса удивительно напоминают правила Гаагского положения 1907 г. о законах и обычаях войны. Например, разрешались не все виды и приемы войны: наряду с зажженными стрелами было запрещено зазубренное или отравленное оружие. Существовали правила реквизиции собственности врага и правила содержания военнопленных, нельзя было объявлять войну без пощады⁶.

⁵ Jean-G. Lossier, *Les Civilisations et le service du prochain*.

⁶ S.V. Viswanatha, *International Law in Ancient India*, 1925.

Очень благожелательно относился к врагам индийский император Асока, прозванный «Великодушным», который приказывал своим солдатам с уважением относиться к раненым врагам, а также к монахиам, которые ухаживали за ранеными.

Некоторые древнегреческие города являются удивительными примерами организации общества. Разум приходил на смену мистике, можно проследить зарождение понятия правосудия как аспекта обычного права, предшествовавшего тому, что сегодня мы называем правами человека.

Еще в Илиаде Гомер описывал войну, которая в целом велась по правилам честной игры, войну с перемириями, войну, в которой с уважением относились к мертвому врагу. Но какими зверствами сопровождалось разграбление Трои! Александр Великий гуманно относился к побежденным, пощадил семью Дария и не позволял оскорблять достоинство женщин. Тем не менее, в Древней Греции побежденный враг становился собственностью победителя, который мог по своему желанию убить либо поработить его.

Нет ничего более удивительного для современного человека, чем тот факт, что великие мыслители Эллады, чьей цивилизацией мы так восхищаемся, спокойно воспринимали рабство, отвратительное для нас. Платон, например, отказывался признать в рабах, как и в варварах, человеческое достоинство, а Аристотель рассматривал рабство как естественное явление. В том же столетии, однако, Алкидамус провозгласил, что «Бог сотворил всех людей свободными, и по природе своей никто не рождается рабом».

В области же непосредственно интересующей нас Александр Изийский сделал пророческое заявление, которое фактически стало основой права войны: «Уничтожить причину войны и продолжать войну ради нее самой может только безумец»⁷. Однако, после подавления восстания в Пелопоннесе спартанцы перебили всех мужчин, а женщин обратили в рабство.

Когда благодаря своим завоеваниям Александр Великий расширил границы греческих владений, для многих стало

⁷ Polybius, XVIII, Chapter 3, cited by I. Harding.

очевидным, что люди ничем принципиально друг от друга не отличаются. Это положило начало новому философскому течению — стоицизму, открывшему новую эру, поскольку центральное место в нем занимала концепция гуманизма⁸.

Школа стоицизма, основанная Зеноном приблизительно в 310 г. до нашей эры, проповедовала следующее: любое живое существо проникнуто любовью к самому себе. Постепенно эта любовь распространяется на потомство. Затем концентрическими кругами она расходится от индивидуума и охватывает прямых родственников и сограждан и, наконец, все человечество, включая врагов. Отношение к другим приравнивается к отношению к самому себе. Тождества «чужой есть враг» более не существует.

Именно войнам обязан своим могуществом Рим. На протяжении 700 лет с их начала и до последних завоеваний храм Януса, который открывался с началом военных действий, закрывался только два раза. Впоследствии, однако, римское право дало народам мир, длившийся несколько столетий⁹.

Римляне также были наделены недюжинными организаторскими способностями. Каждая когорта, состоявшая из 500-600 человек, имела, по крайней мере, одного врача, а каждый легион, состоявший из 10 когорт, имел *medicus legionis*, которого, пользуясь современным языком, можно назвать начальником медицинской службы.

Рим властвовал с помощью силы, организации и закона. Каждому обществу — свои законы (лат. *ubi societas, ibi jus*). У римлян закон был поднят на небывалую высоту. Но его действие прекращалось на границах Римской империи. Естественное право (лат. *jus naturale*) распространялось только на римских граждан. Право иностранцев (лат. *jus gentium*) охватывало иноземцев, проживавших в Риме, и не имело позднее приобретенного значения международного права¹⁰. Это было признанное одностороннее право.

⁸ G. Fehr.

⁹ H. Coursier.

¹⁰ В кодексе Юстиниана *jus gentium* определяется как совокупность правил, установленных для людей естественным образом (*quod naturalis ratio inter homines constituit*).

Народы враждебных государств были просто вне закона. Побежденные могли лишь уповать на милость победителя, зачастую вероломного и неумолимого. В Карфагене ничего и никого не пощадили. Захваченные в плен солдаты и гражданское население обычно подвергались издевательствам, а после триумфального шествия их часто казнили, удушая. Тех, кому дарили жизнь, продавали в рабство. Но были, конечно, и случаи милосердного отношения. В III тысячелетии до нашей эры Пирр, царь Эпира, одержав победу над римлянами при Гераклее, приказал позаботиться о раненых врагах. Так же поступал Сципион Эмилиан.

Участь рабов по-прежнему была жалкой. У них не было никаких прав, и обращение с ними часто было жестоким, особенно если они работали группами. В 185 г. до нашей эры, после восстания рабов в Апулии, 7000 рабов были распяты.

На заре *Pax Romana*, распространившись по всему миру, доктрина стоиков приобрела несколько сильных сторонников, включая Сенеку и Цицерона, и вошла, можно сказать, в свой золотой век. Ее приверженцы провозглашали равенство всех людей и осуждали рабство. Они утверждали, что война не влечет за собой отмену всех законов. Они заменили лозунг — «человек человеку волк» (лат. *homo homini lupus*) на — «жизнь человека священна» (лат. *homo homini res sacra*)¹¹. Существовавшие ранее — «горе побежденному!» (лат. *vae victis!*) они заменили такими согревающими душу фразами, как «я человек и ничто человеческое мне не чуждо» (лат. *homo sum et humani nihil a me alienum puto*)¹² и — «страдающий враг — не враг» (лат. *Hostes dum vulnerati fratres*). Все больше людей видели безопасность в уважении законов и взаимной терпимости.

Марк Аврелий, продолживший этот золотой век, высказался в необычном для его времени духе: «То, что диктуется природой человека, хорошо и полезно для него... Как император, я считаю Рим своим городом и своим государством, но как человек, я смотрю на весь мир, как на свою страну. Только то, что хорошо для Рима и для всего мира, хорошо для меня».

¹¹ Seneca.

¹² Terence.

Однако, как обычно, взгляды мудрецов расходились с действительностью. Прогресс был медленным, и даже после принятия христианства Римская империя не перестала жестоко относиться к своим врагам, пока сама не была разгромлена варварами. Феодосий, например, в 390 г. до нашей эры велел перерезать горло 7000 людей в Фессалониках независимо от пола и возраста после восстания, в ходе которого было убито несколько солдат. После этого святой Амвросий, епископ Миланский, наложил на него епитимью и настоял на издании указа о 30-дневном моратории на приведение в исполнение смертного приговора, «чтобы страсти улеглись и на смену им пришел разум». Феодосий уступил и публично покаялся в содеянном¹³.

Мы также должны отметить, что римлянам и философам-стоикам принадлежит идея справедливой войны, которая затем возродилась в средние века и повлекла за собой ужасные последствия. Лучшими намерениями было продиктовано философское положение о том, что нельзя начинать войну без *justa causa*. Иными словами, война может быть начата только с целью защиты или для восстановления справедливости. Перед началом кампании необходимо было собрать совет священников (*fetiales*), который должен был удостоверить, что эта кампания будет священная и законная война (лат. *bellum justum et pius*). Захватчики всегда пытались оправдать свои завоевания и уничтожение своих противников религиозными и нравственными мотивами. Римляне делали это с беспрецедентным лицемерием.¹⁴

Из этого краткого обзора видно, что все древние цивилизации Азии и Европы, оказывая влияние друг на друга, внесли свой вклад в зарождение и развитие гуманитарного права.

2. Средние века.

Другие факторы, последовательно влиявшие на развитие гуманитарного права, — это христианство, ислам и рыцарство.

Иудейско-христианская религия проповедовала, что все люди созданы по образу и подобию божьему, что все мы — дети одного Отца и все удостоены вечной жизни. Последствия этой новой доктрины были многочисленными и неожиданными, т.к. с этого времени статус индивидуума был связан со строением вселенной. Человек приобретал неизведанное до сих пор достоинство. Если все люди братья, то убийство — преступление, и рабов больше быть не должно. Эта концепция была настолько революционной, что потрясла основы древнего общества и внесла свой вклад, не меньший чем великие завоевания, в уничтожение шатких структур старого мира. Понятно, почему ни с какой другой религией не боролись столь отчаянно.¹⁵

Христос проповедовал любовь к ближнему и возвел ее на уровень всеобщего принципа. Человеческая любовь должна быть отражением божественной любви — абсолютной и бескорыстной. Она должна распространяться на всех, даже на врагов. Нужно любить своего ближнего ради него самого, независимо от его достоинств и не ожидая ничего взамен.¹⁶

К сожалению, люди исказили эту доктрину, расценивая человеколюбие как средство повысить собственные шансы на спасение, как билет на небеса, и рассматривая заповедь как достояние лишь своих братьев по вере. В средневековье появилась тенденция считать жизнь всего лишь ступенью на пути к вечному блаженству. Люди больше заботились о спасении своей души, чем своего тела, которые были строго противопоставлены друг другу. Жизнь на земле не казалась такой уж ценностью, чтобы для сохранения или продолжения ее стоило бы идти на большие жертвы. Были и такие, кто придавал страданию мистическую ценность, считал, что через него можно многое постичь.

По примеру некоторых выдающихся людей, представляющих христианскую веру, таких, как Франциск Ассизский, святой Чарльз Борромео и позднее святой Винсент Де Поль монахи и больничные ордена, например, Орден Больницы святого Иоанна в Иерусалиме, известный в то время как Мальтийский Орден, героически пытались облегчить страдания людей, особенно когда Черная Смерть,

¹³ H. Coursier.

¹⁴ I. Harding.

¹⁵ G. Fehr.

¹⁶ J.-G. Lossier.

как в то время называли бубонную чуму, наводила ужас на всю Европу. Основная же масса людей оставалась относительно равнодушной к страданиям других.

Сам Христос ничего не говорил о войне или о том, как надо ее вести. Вопрос о том, применима ли заповедь Декалога «не убий» и указание Евангелия «Возлюби врага своего» — к войне, а не только к личной жизни верующих, горячо дебатруется на протяжении веков.

Если христиане начала нашей эры отказывались сражаться в римской армии, то это потому, что римские воины были язычниками, а также из-за притязаний императора на божественное происхождение. Эти возражения отпали в 313 г. нашей эры после объявления миланского указа, которым Константин, перешедший в христианство, в один день превратил церковь в великую мирскую силу.

Среди многочисленных последствий этого союза церкви с государством было и вынужденное согласие церковных властей узаконить войну. Это, однако, явилось потрясением для некоторых религиозных мыслителей, согласных с Тертуллианом и Оригеном в том, что кровопролитие — преступление, запрещенное Писанием.

Перед лицом таких колебаний святой Августин — личность, безусловно, выдающаяся в истории христианства — в начале V века разработал теорию, заимствованную у римлян. Целью ее являлось избавление христиан от угрызений совести. Это была хорошо известная зловещая доктрина «справедливой войны», подхваченная впоследствии святым Фомой Аквинским и множеством казуистов. Эта теория дала верующим оправдание войны и ее низости, предложив компромисс между нравственными идеалами и политической необходимостью. Доводы в ее пользу были следующими: естественный порядок есть отражение божественного порядка. Законный правитель может устанавливать порядок. Поскольку цель оправдывает средства, война, начатая властелином, не несет в себе греха. Война, объявленная справедливой, это война, начатая в соответствии с желанием Бога, противник, таким образом, — враг Господа и поэтому, естественно, ведет несправедливую войну.¹⁷

Конечно, при этом должны выполняться определенные условия. Чтобы война считалась справедливой, справедливой должна быть и причина ее вызвавшая — отражение нападения или восстановление справедливости. Соответственно, святой Августин осудил захватнические войны. Но разве была в истории война, которую бы правитель или государство, развязавшие ее, объявили несправедливой и среди целей которой не назвали бы восстановление справедливости, попорченной противником?

Любой знаток человеческой природы понимает, что справедливая война — это та война, которую начинаем мы, а несправедливая — война, которую разжигает наш противник. Так всегда было и всегда будет. Естественно, каждая из сторон будет утверждать, независимо от того, соответствует ли это действительности, что ее дело правое.

Вовлечение в вооруженный конфликт такого в высшей степени эмоционального и понятного лишь посвященным элемента, как миф о справедливой войне, на протяжении нескольких веков неизбежно тормозило гуманитарный прогресс.¹⁸ Желая во что бы то ни стало доказать свою «правоту», оба противника будут искать оправдание в религии, морали и праве и не прекратят сражаться до полного истощения своих ресурсов.

Легко представить себе, что с возникновением понятия справедливой войны в каждом конкретном случае были попытки оправдать агрессию. Однако понятно, что заинтересованные стороны не могут быть судьями в этом вопросе. Суждения и заключения могут быть вынесены только авторитетным, незаинтересованным, компетентным и полномочным органом. Кроме того, этот орган должен иметь возможность провести необходимые расследования на месте данного злодеяния с целью докопаться до истины и развязать узел, для затягивания которого заинтересованные стороны приложили все силы.

Самое ужасное последствие, которое имела идея справедливой войны (с интересующей нас точки зрения), это то, что и одна, и другая сторона воспользовались ею для

¹⁸ Свидетельством тому тот факт, что религиозные войны отмечены самыми страшными зверствами. Страстность и жестокость, похоже, неразделимы.

¹⁷ G. Draper, *The Conception of the Just War*.

оправдания жестокости, которой изобиловала эта кровавая эпоха, жестокости, которую они имели дерзость называть судом Божиим. Понятно, что их самые ужасные злодеяния были не преступлением, а заслуженным наказанием, налагаемым на виновных. Достаточно привести лишь один пример — крестовые походы, которые были, пожалуй, самым ярким примером т.н. «справедливой войны».

Как утверждал святой Августин: «Справедливая война есть борьба между грехом и справедливостью, и любая победа, даже одержанная грешниками, есть унижение для побежденных, которые по Божьему приговору несут наказание за свои прегрешения»¹⁹. Позднее Фома Гаэтанский, великий магистр Ордена доминиканцев писал: «За ущерб, причиненный не только воинам, но и другим жителям государства, против которого идет справедливая война, не должно чувствовать себя виновным... Незачем делить жителей на виновных и невинных, поскольку все государство враждебно и, в силу этого, проклято и разорено».

Церковь признавала право убивать пленных, обычно считавшихся еретиками, право превращать их в рабов, даже детей и женщин.

Когда на Втором Латранском Совете в 1139 г. нашей эры было запрещено использование арбалетов, было оговорено, что их все же можно применять против неверных. То же самое было сказано о ядах. Все это достаточно далеко от евангельского милосердия.

Священники, несомненно, пытались смягчить ужасы путем наложения тяжких епитимий на совершивших самые тяжкие преступления, но что они могли сделать для изменения трагической ситуации в целом?

Лишь в двадцатом веке католическая церковь перестала рассматривать войну как естественное следствие первородного греха. Гораздо печальнее то, что в наше время мы видим возрождение мифа о справедливой войне со всеми его последствиями, а также открыто приводимые в его защиту политические доводы. Лидеры основных идеологий взяли его на вооружение, а запрещение войны Лигой Наций и Организацией Объединенных Наций еще более его усилило. Мы вернемся к этой проблеме позже.

Теперь давайте рассмотрим эпоху рыцарства, зародившегося в Германии, которое определяло лицо феодализма. Рыцарство собрало в элитарные войска людей, имевших право носить оружие и сражаться верхом, то есть дворянство. Было весьма почетно получить это право, но оно налагало и определенные обязанности. При посвящении в рыцари необходимо было поклясться в верности Богу, государю и даме сердца. Нарушение этой клятвы влекло за собой величайший позор. Традиционно рыцарскими качествами, таким образом, были вера, преданность и любовь, а рыцарскими добродетелями — честь, умеренность и милосердие.

Рыцарские правила в какой-то степени внесли свой вклад в развитие международного права. Объявление войны, неприкосновенность парламентария, несущего белый флаг, и запрещение использовать некоторые виды оружия — наследство, оставленное нам эпохой рыцарства. Рыцарству мы обязаны осознанием того, что в войне, как и в игре в шахматы, есть свои законы, и что нельзя победить, просто опрокинув доску.

Последствия этого осознания не имели большого значения, поскольку правила касались исключительно христиан, причем лишь благородного происхождения. Необходимо также заметить, что порой статус дворянина брал верх над статусом врага. Правила эти существовали лишь для блага самого рыцарского сословия. Лишь захваченный в плен дворянин имел право на сохранение жизни, и лишь он мог купить себе свободу. Действительно, разве можно было допустить, чтобы рыцарь в сверкающих доспехах, мчащийся на коне, был убит с расстояния, без всякого уважения, стрелой простого слуги? Ни за что! Арбалеты необходимо было запретить, а неотесанного мужика — повесить.

Подобные примеры помогают объяснить любопытную смесь сострадания и жестокости, грубости и деликатности, веры и предательства, идеализма и развращенности, явившихся непререкаемыми атрибутами рыцарства²⁰.

¹⁹ G. Draper, *The Interaction of Christianity and Chivalry in the Historic Development of the Law of War.*

¹⁹ *De Civitate Dei*, XIX, 15

Крестовые походы олицетворяют собой эпоху, в которой сошлись христианство и рыцарство. Перед лицом какого же противника это произошло? В Европу проникал ислам — сила с которой надо было считаться.

По словам профессора Мессингтона в отношении одного из аспектов этой силы, «ислам обошел христианство в законной попытке вернуть человеческое достоинство варварам и рабам». Несмотря на это, заповедь умеренности в Коране относилась только к правоверным. Справедливую войну мусульмане называли «джихад», — слово, неверно переведенное как «священная война»²¹. Она также была проникнута духом рыцарства, что особенно заметно в праве на приют и гостеприимство. Военнопленных казнили или обращали в рабство, кроме тех, за кого вносили выкуп, а также перешедших в мусульманство. Вигаит, написанный в 1280 г., представляет собой настоящий свод законов войны в период расцвета правления мавров в Испании. Он запрещает убивать женщин, детей, стариков, сумасшедших, больных и парламентаров. Он также запрещает наносить увечья побежденным, отравлять ядом стрелы и источники воды.

Договоры, заключенные халифами и Восточной римской империей подразумевали гуманное отношение к пленным и возможность их выкупа. Это еще один пример благотворного влияния жадности на гуманитарные проблемы. Мусульмане считали невозможным нарушать договор, в то время как в Европе было распространено убеждение, что, соглашения с язычниками могут быть расторгнуты в одностороннем порядке, — убеждение, которое все время претворялось в жизнь.

Крестовые походы стоили жизни миллионам людей. Обе враждующие стороны устраивали ужасную резню, в которой в конечном счете ничего не выигрывали. Людям из западных стран сегодня приходится признать, что здесь, как и везде, европейцы несли ненависть и опустошение, заявляя, что несут цивилизацию и истинную веру. Христиане, которым церковь заранее отпускала все грехи, совершали невообразимые преступления. Этим они вбили клин в отношения между Востоком и Западом, и эти отношения так

²¹ «Джихад» означает дословно «общее усилие».

до конца и не наладились. Ограничимся лишь двумя-тремя примерами.

Когда крестоносцы взяли Иерусалим в 1099 г., они вырезали все население. Очевидец Раймонд Д'Ажилль писал: «Столько крови пролилось в древнем храме Соломона, где укрылись 10000 мусульман, что тела плавали в этом потоке по двору рядом с отрубленными руками». Другой очевидец сказал, что крови было по колено.

Разительный контраст: когда Салах ад-Дин, известный крестоносцам под именем Саладин, вошел в Иерусалим в 1187 г., его солдаты не убили и не обошлись жестоко ни с одним из жителей. Чтобы следить за этим, Саладин поставил специальные патрули для защиты христиан. Впоследствии он освободил богатых пленников за выкуп, а бедных — просто так.

Саладин разрешил даже врачам из армии противника приходить и лечить своих раненых соотечественников, а потом возвращаться в свой лагерь. Он послал своего собственного врача к Ричарду Львиное Сердце, который позднее выразил свою признательность хладнокровным убийством 2700 людей, оставшихся в живых при осаде Сен Жан д'Акра. Среди них были женщины и дети.

Худшим из подобных преступлений было разграбление Константинополя венецианцами и крестоносцами в 1204 г. На этот раз и победители, и жертвы были христианами. На протяжении девяти веков этот город был сердцем цивилизации и христианства в Восточной римской империи. Папский легат освободил рыцарей от их обета и резня длилась три дня. Не пощадили никого и ничего: ни церквей, ни монахинь. Такова война, когда предлогом для насилия служит вера и справедливость.²²

Можно ли утверждать, что судьба побежденных на Западе была отраднее? Конечно, нет. В те времена исход войны часто определялся единственным сражением, после которого никто и не вспоминал о безымянных орудиях победы или поражения, — солдатах, выполнявших работу, за которую им платили; а грабеж и насилие были частью оплаты. Когда солдат был ранен, он не мог рассчитывать на милосердие, и

²² P. Boissier.

даже монастырские больницы часто были для него закрыты.²³ В довершение всего, Латеранский Совет в 1213 г. запретил духовным лицам заниматься хирургией.

В армиях не было медицинской службы. Рыцарей часто сопровождали их личные врачи, поскольку они не желали вверять свои благородные тела шарлатанам, лечившим солдат. Раненым поэтому просто предоставляли мучиться, а раненых врагов обычно приканчивали дубинкой. Еще в 1533 г. великий хирург Амбруаз Паре спасся от смерти во время массового убийства пленных при осаде Хесдина только потому, что вылечил испанского полковника от язвы желудка.

Пленников, за которых не могли внести выкуп, обычно убивали. Не лучше приходилось и гражданскому населению. Когда осажденный город захватывали и отдавали на разграбление, его гарнизон уничтожали, а судьбу женщин и детей решал победитель.

В 1027 г. церковь предложила Западному миру т.н. «Божье перемирие», запрещавшее военные действия по воскресеньям, с вечера субботы до утра понедельника. Этот своего рода «военный выходной» был позднее удлинён: сначала он должен был начинаться в пятницу вечером, а потом — даже в четверг вечером²⁴. Этого перемирия, более или менее соблюдающегося, однако, было недостаточно для прекращения ужасов войны. С точки зрения интересующей нас проблемы средние века были фанатичным и кровавым периодом в истории.

3. Современность.

В конце XIV века, с появлением огнестрельного оружия, военная история подошла к переломному моменту, поскольку уравнились шансы карлика и гиганта. Артиллерия внесла глобальные перемены в военное искусство, а также и в социальный порядок. Пушки стоили дорого и были доступны лишь королям и императорам. Таким образом, во главе армии стоял монарх, а сама армия состояла из

²³ P. Boissier.

²⁴ P. Boissier.

наемников. Рыцари оставили поля сражений и перешли на страницы художественной литературы. Относительно централизованная власть в государстве пришла на смену бесконечным распрям князьков. Междоусобные войны прекратились. Рабство было запрещено. В то же время усилилась забота о пленных, поскольку их чаще стали отпускать за выкуп, и о раненых, которых работники медленно развивающейся медицинской службы подбирали на поле боя и выхаживали.

В XVI веке все это привело к возникновению системы «картелей и капитуляций» между командующими противоборствующих армий. Между 1581 и 1864 гг. было заключено не менее 291 такого соглашения.²⁵ Одно из первых соглашений такого рода было подписано даже раньше (Семахское соглашение), в 1393 г., между кантонами в Швейцарии. В пунктах этого договора оговаривалось уважение к женщинам и раненым; по этой причине сам договор известен и как «Женское письмо». В нем оговаривается неучастие женщин в войне, а также неприкосновенность раненых, уважение к их личности и имуществу.

Также в XVI веке образование современных государств и падение авторитета Папы римского привели к новому пониманию международного права. Соответственно, право иностранцев (лат. *jus gentium*) превратилось в международное публичное право (лат. *jus inter gentes*), в котором политические образования заняли место индивидуумов в качестве предмета права.

Философы-схоласты этого периода оказали благотворное влияние на военные законы. Испанский доминиканец Франциско Де Витториа, например, пересмотрел концепции святого Августина и святого Фомы Аквинского и объединил их в одной общей доктрине. Во взглядах на гуманизм Витториа обогнал свое время. Даже если он и не до конца ушел от губительной концепции «справедливой войны», он допустил возможность того, что война бывает справедливой

²⁵ Профессор Е. Гюрлт собрал эти тексты в своей книге *Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpflege im Kriege*, Leipzig, 1873.

для обеих сторон, — мысль, которую его коллега Франциско Суарес считал абсурдной. Основывая свои доводы на «естественном праве», Витторио осудил ненужные страдания и резню тех, кого он осмелился назвать «невинными». Вместе с Лас Касасом он отрицал, что доктрина справедливой войны являлась законным основанием для массового убийства индейцев в американских колониях. Однако его терпимость не распространилась на сарацинов, и он решил, что их можно убивать, даже пленных, а детей и женщин — обращать в рабство. Суарес объявил, что даже если международное право вытекает из естественного права, оно отличается тем, что является «позитивным человеческим правом».

Вскоре после этого Реформация разделила христианский мир надвое, и необходимо было найти новую основу для международных отношений. Такая основа возникла из международного права, иногда называвшегося законом человечества. Главная роль в этом принадлежала на сей раз протестантам — Гроцию и его последователям.

Для Гроция закон не был более неким божественным установлением, а продуктом человеческого разума. Он не предшествовал действию, а появился из действия. Международное право исходило от наций, создавших его для защиты своего суверенитета. Соответственно, если национальное законодательство на основе естественного права провозгласило ряд основных прав человека, соблюдение этих прав должно быть обеспечено органами власти. В военное время, когда законы страны не защищают ее жителей от врагов, только международное право может это сделать.

Гроций не отказался от идеи справедливой войны, но считал, что неотъемлемое право государства вести войну — более важный элемент войны, чем справедливость причины, и рассматривал войну как одно из средств сохранения государства. «Ведя войну, — писал он, — мы всегда должны думать о мире». Он был первым, кто утверждал, что «справедливая причина», которую объявляет государство, чтобы начать войну, не означает, что противники могут перестать соблюдать законы войны. Однако, как и Витторио, Гроций смотрел на население враждебной страны как на врагов, зависящих от милости победителя. В то же время он

утверждал, что насилие сверх пределов, необходимых для победы, не может быть оправдано, что гражданское население, и даже солдаты, должны быть оставлены в живых, поскольку это допускает военная необходимость. «Поскольку насилие больше не рассматривается как наказание, оно не несет смысла само по себе. Оно становится средством, которым надо пользоваться с умеренностью».²⁶ В своем основном труде «От законной войны к миру» (лат. *De jure belli ac pacis*), который католическая церковь держала под запретом до 1899 г., Гроций перечисляет пути смягчения войны (лат. *Temperamenta belli*), которые составляют часть наиболее солидных основ права войны.

Увы! Путь от теории к практике все еще очень долог. Во времена Гроция Тридцатилетняя война представляла собой последовательность позорных деяний. Живя разбоем, одинаково на своей и на вражеской территории, солдаты грабили крестьян, которые не оставались в долгу, когда охваченные паникой войска спешно отступали через их земли. Можно привести лишь одну цифру: население Богемии уменьшилось с 3 миллионов до 750 тысяч человек.

В 1521 г., когда люди Кортеса взяли Теночтитлан — ныне город Мехико, столица Мексики, — они уничтожили весь город, дом за домом, вместе с его 400 храмами. В 1527 г. солдаты Карла V четыре месяца грабили Рим, не пощадив даже базилику собора Св.Петра. Это лишь немногие примеры.

Откуда же такое вопиющее противоречие с Ренессансом? Человеческая глупость и вандализм не исчерпывают всех причин. Армии этого времени все еще являли собой банды плохо оплачиваемых наемников. Только после реформ Людовика XIV и Фридриха II они превратились в регулярные армии, национальные по духу и по составу, аккуратно получавшие жалованье и дисциплинированные.

Теперь, наконец-то, стал пробуждаться дух научного познания мира. Человек открывал законы, управляющие вселенной и им самим. Жизнь перестала быть лишь ступенькой на пути к вечности и превратилась в цель. С

²⁶ P. Boissier.

этого момента общество вплотную занялось своими проблемами и начало исправлять промахи судьбы. XVII век стал началом эпохи Просвещения, которая, среди прочего, отметила зарождение гуманизма, высшей и рациональной формы милосердия и справедливости. Философы отказались от взгляда на страдания как на неизбежное зло и больше не принимали теорию ответственности каждого за страдания на земле. Они стали считать, что все люди должны пользоваться одинаковыми неотъемлемыми правами, и обязанность государств — следить за их соблюдением. На первый план выдвинулась задача обеспечить наиболее полное счастье наибольшему количеству людей.

В XVIII веке война превратилась в сражение профессиональных армий с меньшим количеством солдат. Гражданское население больше не вовлекалось в военные действия, так как армии располагали всем необходимым, а грабеж был запрещен. Война превратилась в своего рода искусство со своими собственными правилами, и хотя они иногда нарушались, но все же достаточно редко. Вероломство и жестокость были запрещены, поскольку они разжигают гнев врага. Короче говоря, война была под контролем.

Гуманизация войны шла быстрыми темпами, по крайней мере, в Европе. Заранее заключаемые соглашения между командующими армиями оговаривали условия обращения с жертвами и являли собой зачастую образцы здравого смысла и умеренности. Самым замечательным документом подобного рода был «Договор о дружбе и мире», заключенный Фридрихом Великим и Бенджаминем Франклином в 1785 г., содержавший положения, поднявшиеся до уровня принципов, в которых мы впервые видим, что «обе договаривающиеся стороны берут на себя взаимные обязательства перед всем миром», и что цель соглашения, заключаемого государствами, — защита индивидуума.

В этом документе было оговорено условие, по которому в случае конфликта обе стороны воздержатся от блокады и гражданские лица стороны противника смогут покинуть каждую из стран по истечении определенного времени. Военнопленных будут содержать и кормить так же, как и солдат удерживающей державы, и человек, пользующийся доверием, сможет навещать их, облегчая их участь.

Повторение подобных статей создало настоящее обычное право, которое вкратце можно сформулировать следующим образом:

1. Госпитали должны обладать статусом неприкосновенности и быть обозначены специальными флагами своего цвета для каждой армии.
2. Раненые и больные не должны считаться военнопленными. Их следует лечить, как своих собственных солдат и отправлять домой по выздоровлению.
3. Врачей, их помощников и священнослужителей нельзя брать в плен. Их необходимо возвращать в их армии.
4. Жизнь военнопленных должна находиться под защитой. Они должны обмениваться без всякого выкупа.
5. Мирное гражданское население не должно страдать от военных действий.

Эти положения были доведены до такой степени совершенства, что Лудер писал в 1876 г.: «Почти все позитивные положения Женевской конвенции... можно найти в более ранних договорах, где они, кстати, во многих отношениях полнее, обстоятельнее и зачастую носят более справедливый и практический характер»²⁷. Однако эти соглашения были не более чем разовыми (*ad hoc*), имевшими значение для определенного конфликта.

Накануне битвы при Фонтенуа в 1747 г. Людовика XV спросили, как обращаться с ранеными врагами. Он ответил: «Так же, как и с нашими собственными, поскольку раненые, они нам более не враги». Уже было подготовлено 4000 кроватей для раненых, а после окончания битвы 1200 повозок было послано на поиски раненых, чтобы переправить их в госпиталь, где к их услугам был квалифицированный персонал и необходимые запасы перевязочного материала. В течение нескольких часов 3790 французских и 2368 вражеских солдат были доставлены туда.

²⁷ Luder, *Etude sur la Convention de Genève*.

Лишь 583 из них умерли в ближайшие три недели. Если бы Анри Дюнан жил в то время и приехал бы в Фонтенуа, а не в Сольферино, ему бы не о чем было писать и не было бы причин для создания Красного Креста²⁸. Однако все эти шаги, организационные и юридические, были предприняты лишь в некоторых странах Западной Европы. Большая же часть мира была все еще на уровне Тридцатилетней войны.

Чтобы вывести социальный принцип из всех этих фактов, мы вполне можем обратиться к общественной мысли. В 1762 г. Жан-Жак Руссо так написал в своем труде «Об общественном договоре»:

«Война — это не отношения между людьми, но между государствами, и люди становятся врагами случайно, не как человеческие существа и даже не как граждане, а как солдаты; не как жители своей страны, а как ее защитники...

Если цель войны — уничтожение враждебного государства, то другая сторона имеет право истреблять его защитников, пока они держат в руках оружие, но как только они бросают его и сдаются — они перестают быть врагами или инструментом в руках врагов и вновь становятся просто людьми, чьи жизни не позволено никому отнимать».

Таким образом, Руссо принадлежит честь первой четкой формулировки основополагающего правила современного права войны. Одним росчерком пера он уничтожил цель рассуждений Хоббса о том, что война естественна для человечества и оправдана государственными интересами, а значит, индивидуумы являются лишь ее объектами. Он отменил прежнюю софистскую теорию справедливой войны, противопоставленной несправедливой войне, и предложил взамен более значимое различие — между комбатантами и лицами, не принимающими участия в боевых действиях. Воюющая сторона, по его мнению, преследует лишь одну цель: подчинение враждебного государства и ничего более. Солдаты, потерявшие

²⁸ P. Boissier.

боеспособность, и мирное население не могут нести ответственность за преступления, которые они не совершали; их жизнь должна быть сохранена, и они должны быть избавлены от страданий, поскольку страдания одинаковы для обеих сторон.

Этот тезис, сформулированный в виде силлогизма, является просто распространением на международный уровень идей Руссо о происхождении общества: гражданин передает часть своих прав государству только с целью обеспечения себе защиты взамен. Эти положения должны были оказать значительное влияние на юридическую науку и политику. Они определенно произвели некоторые изменения в мире.

Эти идеи были подхвачены Французской революцией, которая торжественно провозгласила в своей Конституции, что «Каждый человек обладает неотъемлемыми, священными правами», и приняла Декларацию прав человека. Более того, законодательство требовало «обязательно одинакового обращения со своими и вражескими солдатами» и установило, что «военнопленные находятся под защитой нации и закона». Как писал Хольцендорф, «великие принципы, провозглашенные Французской революцией, ставшие наследием цивилизованных государств, придают этой революции колоссальное значение в истории права наций»²⁹. Тем не менее знаменитый доктор Лэрри едва избежал гильотины за лечение австрийского офицера и ходатайство о его репатриации. А когда генерал Вестерман подавил восстание в Вандее, он предал смерти всех «мятежников» — мужчин, женщин и детей.

«Бессмертные принципы» Революции 1789 г., как считали ее вожди, должны были привести ко всеобщему миру. К сожалению, история распорядилась иначе, и весь народ был мобилизован для спасения Республики. Новое изобретение того времени имело весьма далеко идущие последствия в военной истории: воинская повинность, или всеобщая обязательная служба в армии, которая коренным образом изменила условия ведения войны. С этого момента начались массовые войны, характеризующиеся столкновением целых народов, собравших все свои

²⁹ Holzendorff, *Elements de droit international*.

материальные и нравственные ресурсы для взаимного уничтожения. Люди стали сражаться не за конкретные интересы, а за идеи, концепции, цели самой жизни. Так началась эпоха войн «свирепой жестокости», как назвал ее маршал Фош. Этот период был отмечен огромным шагом назад в плане гуманитарных принципов. Под сокрушающим влиянием обстоятельств военная медицинская служба затормозила свое развитие.

Войны Первой Империи послужили лишь ускорению трагического процесса упадка. «Неизбежные войны — всегда справедливые войны», — провозгласил Наполеон. Великий завоеватель практически не заботился о раненых; ему нужно было только новое здоровое пушечное мясо для военной машины. Смертность в армии поэтому была ужасающе высокой, а страдания раненых — невыносимыми. Достаточно вспомнить хотя бы ужасы отступления из России, память о которых сохранилась, несмотря на все то, что случилось после этого. Великие драмы имеют отвратительные стороны, и Аустерлиц справедливо назван «медицинским Ватерлоо».³⁰

Еще более серьезным был тот факт, что гуманитарные принципы были почти забыты. Картели теперь заключались реже и уже не имели того эффекта. Снова начались обстрелы полевых госпиталей. Врачей стали брать в плен, уводя от раненых, и содержать как пленных. Во время Египетской кампании, когда Наполеон был еще генералом, он хладнокровно велел убить штыками и ружьями 4000 турецких солдат гарнизона города Яффы, сдавшихся на условиях сохранения им жизни.

Такие знаменитые врачи, как Перси и Лэрри во Франции и Фауст и Вассерфур в Германии, выступили против снижения стандартов. Если бы к ним прислушались, тысячи жизней были бы спасены, но высшие военные чины были глухи к их призывам. Эти врачи, на полстолетия обогнавшие свое время, даже предложили заключить Международную конвенцию, чтобы обеспечить «нейтрализацию» раненых. Все их усилия были тщетны.

³⁰ Dr. André Soubiran, *Napoléon et un million de morts*, Paris, 1969

4. Образование Красного Креста

Такое прискорбное положение практически не улучшилось и ко второй половине XIX века. Участнику осады Мессины в 1848 г., доктору Паласциано, одному из предтеч Красного Креста, едва удалось избежать смертной казни, он был приговорен к году заключения за то, что перевязывал раны солдат побежденного гарнизона. Когда в 1854 г. началась Крымская война, во франко-британских экспедиционных войсках вообще не было медицинской службы. Из 300000 человек, которые насчитывала эта армия, 83000 умерло от болезней, страдая в невообразимых условиях беспорядка. Смертность среди людей, перенесших ампутацию, составляла 72%. Потребовались изумительная энергия и самоотверженность 26-летней англичанки Флоренс Найтингейл, чтобы навести порядок в хаосе и добиться снижения смертности. После войны правительство Великобритании извлекло из этого урок и провело ряд реформ в медицинской службе. В ходе этого военного конфликта все привычные принципы гуманитарного права были отброшены.

Далее следует война в Италии между австрийскими и франко-итальянскими войсками. В июне 1859 г. эти две сильные армии столкнулись при Сольферино в одной из самых кровавых битв в истории. С наступлением ночи 6000 убитых и 36000 раненых осталось на поле боя. Никаких попыток оказать им помощь не было предпринято до следующего дня, а некоторым помощь не было оказана в течение нескольких дней.

Молодой швейцарец, Анри Дюнан, прибыв в близлежащий городок Кастильоне вскоре после сражения, был «охвачен ужасом и жалостью» при виде раненых, лежавших вповалку в церквях, умирающих от инфекции и терпящих невыразимые муки, которых так просто можно было избежать. Если бы им своевременно была оказана помощь, многие из них могли бы выжить. Дюнан сделал для раненых все, что было в его силах, и вместе с женщинами, проживающими в этой местности, организовал оказание первой помощи, вдохновляя их словом и личным примером, и в конце концов он услышал, что женщины говорят: «Все они братья!»

22000 австрийских и 17000 французских солдат погибли при Сольферино. За время кампании 60% раненых умерло. Из 200000 человек, составлявших французскую армию, 120000 заболело. В военных кампаниях того времени убитые на поле боя составляли всего лишь четверть общего числа погибших.

Позднее, преследуемый воспоминаниями о том, чему он был свидетелем, и решив сделать все возможное, чтобы не допустить повторения этого, А.Дюнан написал свою страстную книгу «Воспоминания о Сольферино». В добавление к своему личному свидетельству он внес двойное предложение: о создании в каждой стране добровольного общества помощи, члены которого будут готовиться и обучаться в мирное время (и это было новшеством) оказанию помощи военно-медицинской службе во время военных действий; и во-вторых, о созыве конгресса с участием представителей всех стран и принятии нерушимого международного принципа, гарантированного и санкционированного конвенцией, о предоставлении правовой базы защите военных госпиталей и медицинского персонала. Первая часть этого предложения привела к созданию Красного Креста, вторая — к принятию Женевской конвенции, которые неразрывно связаны с тех пор.

Пророческая книга Дюнана оказала огромное влияние на общественное мнение, которое становится все более восприимчивым к гуманитарным принципам. Похожие идеи были сформулированы и другими (Палациано в Италии и Арро во Франции), но только голос Дюнана был услышан. «Это в тысячу раз лучше Гомера, лучше кого бы то ни было», — писали братья Гонкур в своем *Журнале*, возможно с некоторым преувеличением. Одним из достойных внимания читателей книги Дюнана был Гюстав Муанье, председатель женевского Общества поощрения общественного блага, реалист и человек дела. Он созвал заседание своего Общества, чтобы изучить предложения Дюнана и попытаться воплотить их в жизнь. Была назначена комиссия, а впоследствии — комитет, состоявший из пяти человек: Дюнана, Муанье, генерала Дюфура и врачей Аппиа и Моуара. Первое заседание комитета состоялось 17 февраля 1863 г., и с тех пор такие заседания происходили регулярно.

Таким образом, Комитет стал учредительным органом Красного Креста и способствовал принятию Женевских конвенций. В 1880 г. он стал называться Международным Комитетом Красного Креста.

В том же году этот маленький комитет, состоящий просто из частных лиц, не облеченный властью, но движимый несокрушимой верой в гуманизм, предложил государствам всего мира прислать своих представителей в Женеву. Смелость города берет. На предварительной конференции в октябре 1863 г., создавшей основу для того, что впоследствии стало называться Красным Крестом, были представлены шестнадцать стран. Красный Крест по-прежнему рассматривался только как средство оказания помощи раненым во время военных конфликтов.

Конференция, однако, не обладала полномочиями обсуждать юридические проблемы. Они были предметом обсуждения на Дипломатической конференции, созванной в следующем году. На ней была принята Женевская конвенция от 22 августа 1864 г. об улучшении участи раненых на поле боя. Это было началом рождения гуманитарного права.

Безусловно, XIX век нельзя назвать эпохой глупости. Некоторые называют его так, потому что в первой половине XIX века основой развития общества являлись техника и выгода, общество обожествляло деньги и забывало о человеке. Но позднее оно возместило все это, создав лекарство от некоторых порожденных им же пороков. Разве не подул в эти годы свежий ветер, принесший с собой дух интернационализма, уничтоживший рабство и учредивший Красный Крест?

II. РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНЫХ КОНВЕНЦИЙ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ.

1. Женевская конвенция о защите раненых на поле боя.

Международная конференция по приданию статуса нейтральных военно-медицинским службам на поле боя, созванная Швейцарским Федеральным Советом по просьбе Женевского Комитета, состоялась в Женеве 8 августа 1864 г. На ней были представлены шестнадцать государств. Открыл ее генерал Дюфур, председательствовавший на Конференции. Во время недолгой гражданской войны между швейцарскими кантонами в 1847 г. он отдал своим войскам распоряжение об уважительном отношении к раненым, а сам скорее выступал в роли миротворца, нежели победителя. Он был членом Учредительного комитета Красного Креста.

Муанье и Дюфур внесли проекты предложений, послужившие основой для работы конференции. Проекты были настолько хорошо проработаны, что Конференция практически не внесла никаких изменений. В течение двух недель была принята Женевская конвенция от 22 августа 1864 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Важнейшим нововведением в международное право, внесенным этим документом, было понятие нейтральности в том виде, в котором его предложил Дюнан. Врачи и медсестры не должны считаться принимающими участие в военных действиях и не подлежат захвату в плен. Командующие армиями больше не должны бояться потерять своих врачей, если, в случае отступления, они оставят их в арьергарде среди раненых, а значит раненых не будут больше бросать на произвол судьбы, как это всегда было в прошлом. В Конвенции оговаривалось, что всегда и везде раненым должно оказываться уважение и проводиться одинаковое лечение, независимо от того, на чьей стороне они сражались.

В Конвенции 1864 г. содержалось всего 10 статей, но они заложили фундамент, который ни разу не пошатнулся. Эти статьи затрагивали существенные моменты: военные санитарные повозки и госпитали были признаны

нейтральными, им обеспечивалась защита и уважение; нейтральность распространялась на армейских священников, исполняющих свои обязанности; если они попадали в руки противника, они должны были быть освобождены и возвращены в собственный лагерь; необходимо было с уважением относиться к мирному населению, пришедшему на помощь раненым; раненым и больным воинам необходимо было обеспечить уход, независимо от того, на чьей стороне они сражались; знак красного креста на белом поле должен был обозначать госпитали и медперсонал для обеспечения им защиты.

Здесь необходимо сказать о флаге, который вскоре распространился повсюду, где были жертвы войны. Дюнан доказал необходимость эмблемы, узнаваемой всеми. Его коллега, доктор Аппиа предложил на Конференции 1863 г. просто белую нарукавную повязку, но ему напомнили, что это уже было общепризнанным знаком перемирия или сдачи. Кто-то — вероятно, делегат Германии Лоеффлер¹ — предложил добавить красный крест. Предложение было принято.

«Как знак признательности Швейцарии, геральдическая эмблема красный крест на белом поле, образованная путем обратного расположения федеральных цветов, будет сохранена в качестве эмблемы и опознавательного знака военно-медицинской службы». Это цитата из пересмотренного в 1906 г. текста Женевской конвенции. Несмотря на общепринятое мнение основатели Красного Креста, возможно, и не имели намерения основывать идею новой эмблемы на обратном расположении цветов швейцарского флага. В протоколах Конференции ничего не говорится о таком намерении, и нет ни одного документа того времени, на основании которого можно проследить эту связь. Идея о существовании такой связи появилась лишь в 1870 г.

Сегодня трудно себе представить, какое огромное влияние оказала первая Женевская конвенция на развитие права наций. Впервые в истории государства приняли

¹ Это предположение основано на недавно найденном письме Анри Дюнана. Кажется, что все было улажено в неофициальном разговоре во время перерыва между заседаниями.

официальный постоянно действующий документ, содержащий ограничения их могущества в интересах отдельных людей и человеколюбия. Впервые война отступила перед законом.

Менее чем через 100 лет принцип Женевской конвенции распространился на другие категории жертв войны, и эта тенденция привела к образованию Гаагского права. По этой причине она была названа «матерью конвенций». Можно даже утверждать, что современные усилия разрешить конфликты мирным путем и объявить войну вне закона косвенно порождены первой Женевской конвенцией.

Всего лишь через два года после ее принятия, в австро-прусской войне 1866 г., Женевская конвенция прошла боевое крещение. Это был удобный случай доказать ее значимость, особенно при Садове, в битве почти столь же кровавой, что и битва при Сольферино. Пруссия ратифицировала Конвенцию и придерживалась ее. Она располагала хорошо оснащенными госпиталями и Прусский Красный Крест был все время там, где нужна была его помощь. В лагере противника ситуация была абсолютно иной, поскольку Австрия не подписала Конвенцию, и отступающая австрийская армия оставляла своих раненых на поле боя. В лесах около Садовы были найдены тела 800 раненых, умерших из-за отсутствия медицинской помощи.

В 1867 г. почти все ведущие державы ратифицировали Конвенцию, кроме Соединенных Штатов, которые сделали это в 1882 г. С этого времени Конвенция приобрела всеобщий характер, что было весьма важно для ее авторитета.

Во время войны 1870 г. Женевская конвенция все еще оставалась практически неизвестной во Франции, что вызвало серьезные проблемы. Первый военный конфликт, в котором ее придерживались обе воюющие стороны, была сербо-болгарская война 1885 г. Смертность в ней составила не более 2%. На этот раз государства поняли, что Женевская конвенция служит их обоюдному благу, и с этих пор данный факт более не подвергался сомнению.

Конвенция несколько раз подвергалась пересмотру. Закон необходимо было адаптировать к новым условиям, что отнюдь не означало, что он должен был отступать под

каким-либо давлением или в связи с развитием средств разрушения. Основные принципы, необходимые для защиты человека, оставались в неприкосновенности. Условия применения этих принципов изменялись параллельно с изменением всей ситуации в мире в сторону реализма и эффективности. Основатели Красного Креста и их последователи понимали, что эти изменения необходимы, для того чтобы гуманитарное право оставалось действенным.

Международный Комитет Красного Креста инициировал и направлял это последовательное развитие гуманитарного права. С помощью международных экспертов он выдвигал предложения, которые впоследствии послужили основой для работы Дипломатических конференций, созванных правительством Швейцарии.

Первый пересмотр состоялся в 1906 г., когда количество статей было увеличено до 33, но суть Конвенции осталась без изменения. Во время первой мировой войны все положения Конвенции применялись на практике, кроме тех, которые относились к репатриации медицинского персонала. От этих положений воюющие стороны отошли, так как держали значительное количество врачей и медсестер в плену, чтобы они заботились о своих раненых соотечественниках.

Вторично Конвенция была пересмотрена в 1929 г. При этом было принято во внимание развитие медицинской авиации, был уничтожен пункт «на условиях взаимности» (лат. *si omnes*) в предыдущей версии — абсурдное положение, согласно которому Конвенция могла вступать в силу, только если обе воюющие стороны ее ратифицировали. К тому же Дипломатическая конференция 1929 г. признала за мусульманскими странами право использовать в эмблеме красный полумесяц вместо красного креста². В этих двух символах можно найти напоминание о крестовых походах, несмотря на то, что знак Красного Креста никогда не имел никакого национального или религиозного подтекста и должен был быть нейтральным, как и выполняемая им задача.

² А также изображение красного льва и солнца в Иране, который позднее отказался от этого и вновь вернулся к изображению красного полумесяца.

Нельзя не сожалеть об отходе от единства эмблемы, что повлекло за собой ряд проблем. Однако до настоящего времени было невозможно найти решение, которое позволило бы вернуться к единству, которое так необходимо. Хочется, во всяком случае, надеяться, что не будет больше других брешей в этом единстве из-за принятия новых символов.

Был принят также и принцип недозволенности захвата в плен медперсонала и необходимости возвращения медицинских работников в их собственный лагерь, но он соблюдался «если только специальным соглашением не оговорено иначе».

Женевская конвенция относительно неплохо соблюдалась во время второй мировой войны, но воюющие стороны воспользовались пунктом, введенным в 1929 г., и удерживали врачей и медицинских сестер в лагерях для военнопленных для лечения их соотечественников.

Вопрос о задержании медицинского персонала был одним из самых противоречивых вопросов данной Конвенции, и после окончания войны было решено пересмотреть и расширить ее. Эта задача была поставлена на Дипломатической конференции 1949 г.

По этому конкретному вопросу в конце концов было принято компромиссное решение. Произвольное задержание части медицинского персонала было безоговорочно узаконено в той степени, в которой это было оправдано количеством пленных. Врачи и медицинские сестры, удерживаемые на этих условиях, не могли считаться военнопленными, но пользовались всеми правами военнопленных, а также определенными льготами, необходимыми для выполнения их профессиональных обязанностей. Те же, чья помощь не требовалась их соотечественникам, должны были быть репатрированы. Такое нечеткое и неясное решение никого полностью не удовлетворило.

Можно только надеяться, что будущие законодатели извлекут из этого двойной урок. Во-первых, если обстоятельства вынуждают пробить брешь в защитной стене конвенций путем заключения соглашения о частичном несоблюдении, важно одновременно решить, что делать с

последствиями такого несоблюдения и положением, к которому оно приведет, вместо того, чтобы пустить все на самотек, придерживаясь хорошо известной страусиной политики.

Во-вторых, на конференциях полномочных представителей зачастую лучше было бы вынести четко сформулированное и последовательное решение большинством голосов, чем стремиться к иллюзорному единогласию путем принятия неясных и туманных положений.

При пересмотре Конвенций в 1949 г. было еще одно уязвимое место, следствием которого стала парализация медицинской авиации. До 1949 г., чтобы защитить медицинский самолет, достаточно было выкрасить его в белый цвет и нанести красные кресты. Но в 1949 г. стало ясно, что такая раскраска — лишь иллюзия защиты, поскольку самолет можно сбить еще до того, как он попадет в пределы видимости. Любая защита такого самолета должна была регулироваться соглашением между воюющими сторонами о средствах идентификации и маршрутах следования самолетов. Поскольку воюющим сторонам достаточно сложно заключить соглашение в ходе войны, особенно такие, которые касаются экстренных случаев, новый вариант конвенции просто подрезал крылья военно-медицинской авиации!

Возврат к более реалистической позиции был сделан в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям, принятом в 1977 г. и ратифицированном сразу после принятия почти тридцатью странами. Наука нашла средство против порожденного ею зла, поскольку, вопреки ожиданиям, стала возможной идентификация самолета в полете. Техническое приложение к этому Протоколу описывает систему трех типов сигналов: световой синий сигнал, радиосигнал и вторичный радиолокационный сигнал. Эти сигналы включены в настоящее время в процедуры международной связи.

Другие значительные улучшения были достигнуты на Дипломатической конференции 1974—1977 гг. Например, гражданскому медицинскому персоналу была гарантирована защита, аналогичная той, которой с 1864 г. пользовался военно-медицинский персонал, при условии, что первые будут работать под государственным контролем. Им, таким

образом, предоставлялось право использовать эмблему Красного Креста. Неприкосновенность распространялась также на организации гражданской обороны, приходящие на помощь жертвам воздушных бомбардировок. Более поздние положения обеспечивали выполнение медицинской миссии, уважение ее независимости и соблюдение медицинской этики.

Последний вариант этой Конвенции вместе с Дополнительным протоколом вполне достоин, как мы видим, столь длительной работы над ним.

2. Морская конвенция.

До сих пор речь шла лишь о раненых на поле боя. Какова же ситуация при военных действиях на море? Процесс гуманизации в морской войне шел очень медленно из-за исключительно сложных условий. В XVIII веке, однако, соглашения между командующими враждующих армий начали включать некоторые положения о защите человека в морских операциях, например, репатриацию потерпевших кораблекрушение, освобождение медицинского персонала и использование флага перемирия для обеспечения кораблям, перевозящим пленных для обмена, неприкосновенности.

Основатели Красного Креста считали желательным распространить принципы Женевской конвенции на военные действия на море. Подобное предложение было вынесено на Дипломатическую конференцию 1864 г., но оно не было принято, возможно потому, что военные корабли начали подвергаться самым серьезным изменениям в истории военно-морского флота, благодаря изобретению паровой машины, гребного винта и листовой брони. Было невозможно предсказать будущее войны на море.

Трагическим следствием отсутствия норм гуманитарного права для военных действий на море стала битва при Лиссе (нечто вроде «морского Сольферино») 20 июля 1866 г. вблизи от Далматинского побережья. В результате четырехчасового сражения корабли под командованием австрийского адмирала Тегетгоффа разбили итальянский флот. Флагман «Ре д'Италия» был протаранен и потоплен, что повлекло гибель сотен моряков, так как ни один корабль не посмел прийти им на помощь.

Женевский комитет подготовил проект конвенции о применении принципов Конвенции 1864 г. к военным действиям на море. Этот проект был одобрен Дипломатической конференцией, состоявшейся в Женеве в 1868 г. В нем гарантировалась защита, но не освобождение из плена госпитальных судов. Эта конвенция так и не была ратифицирована.

Потребовалась еще одно морское сражение близ берегов Кубы во время испано-американской войны 1898 г., чтобы восполнить этот пробел. Положения, предложенные ранее в Женеве, вступили в силу на следующий год как часть третьей Гаагской конвенции. После пересмотра она стала называться десятой Гаагской конвенцией 1907 г. и действовала во время обеих мировых войн. Гаагский документ последовал сразу за Женевской конвенцией 1906 г., распространив на потерпевших кораблекрушение защиту, ранее гарантированную только раненым. Госпитальные суда стали неприкосновенными и не могли более быть захваченными. Это же положение распространялось на медицинский персонал и членов команды, поскольку без них беспомощное судно было бы брошено на произвол судьбы.

Однако во время первой мировой войны серьезные расхождения противников и несколько трагических инцидентов скомпрометировали Конвенцию. Флот одной из воюющих сторон напал на госпитальные суда противника и потопил их на том основании, что они, якобы, использовались для транспортировки войск и боеприпасов; причем, флот нападающих состоял главным образом из подводных лодок и не имел права досмотра, оговоренного в Конвенции. После этого противник стал сопровождать госпитальные суда военным эскортом, отказавшись таким образом от преимуществ, предоставляемых Конвенцией.

Во время второй мировой войны многие госпитальные суда также подверглись нападению, особенно на Дальнем Востоке. Большинство таких инцидентов произошли из-за отсутствия видимых с атакующего самолета опознавательных знаков. Конвенция 1907 г. предусматривала опознавательные знаки только на бортах кораблей, а не на палубах.

Таким образом, эволюция методов ведения войны поставила задачу пересмотра Конвенции, что и было сделано

в 1949 г. Вновь принятая Женевская конвенция о ведении военных действий на море подвела под этот вопрос правовую базу, что давно уже нужно было сделать. Новая Конвенция была более детально проработана, но принципиальных изменений в нее внесено не было, так же как и в 1977 г.

В наше время госпитальные суда — важнейшие вспомогательные средства во время военных действий на море. Они следуют за боевыми кораблями и подбирают пострадавших. Во время сухопутных военных действий они являются транспортным средством для эвакуации больных и раненых. Если война идет и на суше, и на море, госпитальные суда служат постоянными плавучими госпиталями.

3. Положение военнопленных.

С самого начала Анри Дюнан настаивал на том, чтобы правила обращения с военнопленными, так же, как и с ранеными, были определены международной конвенцией. Его единомышленники, однако, считали, что лучше двигаться постепенно, шаг за шагом.

В 1863 г. в момент образования Красного Креста Соединенные Штаты, вскоре вовлеченные в ужасную гражданскую войну, приняли свод «Инструкций для командования армий Соединенных Штатов на полях сражений», носивший весьма гуманный характер. Президент Авраам Линкольн, огорченный жестокостью первых сражений, попросил американского философа и политика Фрэнсиса Либера разработать проект этих инструкций. «Кодекс Либера», как он был назван позднее, был пропитан идеями мыслителей XVIII века и основывался на общей концепции того, что война может быть законна лишь при условии соответствия методов ее ведения определенным правилам.

«Кодекс Либера» носил чисто национальный характер, но распространил свое влияние повсюду, так же, как и фундаментальная кодификация современного международного права, *Das moderne Völkerrecht*, опубликованная в 1868 г. Жаном-Гаспаром Блуншли,

выдающимся швейцарским юристом, преподававшим в Гейдельберге. Эти два документа обусловили требование о создании проекта правил об обращении с военнопленными. Брюссельская конференция в 1874 г. работала над этим проектом, также, как и Институт Международного Права, издавший в 1880 г. «Оксфордское руководство», главным автором которого был никто иной, как Гюстав Муанье, один из основателей Красного Креста.

Вся проделанная работа подготовила знаменитое «Положение о законах и обычаях сухопутной войны», которое явилось приложением к четвертой Гаагской конвенции 1899 г., пересмотренной в 1907 г. 17 статей Положения были посвящены военнопленным. Первая из них гласила, что военнопленные находятся во власти вражеского правительства, но не захвативших их солдат. Правительство может интернировать их, чтобы не допустить их участия в последующих боевых действиях, но должно обращаться с ними так же гуманно, как и с собственными солдатами. Правительство может использовать их на различных работах, но не связанных с военными действиями.

С 1914 по 1918 гг. Гаагское положение регулировало обращение с семью миллионами военнопленных. Несмотря на то, что оно предоставляло важные гарантии защиты, судьба военнопленных в первой мировой войне была нелегкой. При отсутствии какой-либо правовой базы МККК создал для них Центральное агентство по делам военнопленных, которое способствовало внесению спокойствия в семьи огромного количества военнопленных. Это привело также к инспекциям лагерей интернированных лиц нейтральными делегатами, что явилось одним из существенных средств, доступных на сегодняшний день, ограничивших произвол в отношении интернированных лиц.

Очень скоро возникла необходимость ужесточить соответствующее законодательство, несмотря на то, что было трудно заключать соглашения между противниками в разгар боевых действий.

Так как представители воюющих сторон не были уполномочены встречаться между собой, переговоры пришлось вести через посредника, сновашего, как челнок,

из одной комнаты в другую. Но все же с течением времени они встретились напрямую. В 1917 и 1918 гг. при содействии правительства Швейцарии было заключено около десятка соглашений. Одно из них (от 26 апреля 1918 г.) касалось репатриации 100 000 престарелых военнопленных, которые уже долго находились в плену.

Это дало материал для будущей конвенции об обращении с военнопленными, подписанной в Женеве в 1929 г. и затрагивающей все аспекты захвата в плен и содержания в плену. Подтвердив прежние принципы, Конвенция пошла дальше, запретив репрессивные меры против военнопленных, определив условия труда, наказания и, что весьма важно, приняв систему контроля со стороны так называемых «Держав-покровительниц», т. е. нейтральных государств, взявших на себя функции представителей одной из воюющих сторон в стане противника. МККК тоже не остался в стороне. Его делегаты были наделены теми же полномочиями, что и делегаты Держав-покровительниц.

В целом, Женевская конвенция 1929 г. была готова к испытанию огнем, которому она и подверглась в годы второй мировой войны. Многим военнопленным она предоставляла реальные гарантии условий содержания, несравнимые с теми, которые были в период 1914-1918 гг. В качестве доказательства достаточно заметить, что там, где Конвенция соблюдалась, смертность среди военнопленных не превышала естественные показатели, в то время как в лагерях военнопленных, где она не соблюдалась, а также в концлагерях для гражданского населения смертность составляла от 30 до 90%. Это достаточно убедительно показывает, что гуманитарная конвенция даже в случае повсеместного применения является надежным барьером для злоупотребления властью.

Конечно, это справедливо только для тех, по отношению к кому Женевская конвенция применялась, а их было всего 4 миллиона из 12 миллионов общего количества военнопленных, то есть только один из каждых трех. Необходимо также принять во внимание, что французские и бельгийские пленные были лишены защиты Держав-покровительниц по условиям соглашения между Германией и правительствами этих двух оккупированных государств.

Среди тех, на кого не распространялась Конвенция, были советские пленные в Германии и военнопленные держав Оси в Советском Союзе. СССР не подписал Женевской конвенции о военнопленных. По обе стороны фронта пленные солдаты не пользовались защитой закона, и смертность была ужасающей. Из трех миллионов военнопленных в СССР умерло около одной трети³. Из Германии сообщалось о гораздо более высокой смертности — около трех пятых (3,3 миллиона умерших из 5,7 миллиона пленных).

Легко установить основную причину этой трагедии. Каждая из этих двух сторон объявила, что ведет «справедливую войну», на сей раз во имя различных идеологий. Соответственно, противник являлся преступником, против которого надо было вести непримиримую войну.

На военнопленных из союзных войск, попавших в руки японцев, лишь в малой степени распространялись блага Конвенции. Япония также не подписала Конвенцию. По настоянию МККК она согласилась руководствоваться ею, но лишь в виде уступки.

В общем, на основании законных или псевдозаконных доводов некоторые категории военнопленных были лишены преимуществ, которые должны были быть им предоставлены по условиям Конвенции. К этим категориям относились, например, «партизаны» на оккупированных территориях, итальянские «интернированные военнослужащие», захваченные немцами после перемирия 1943 г., пленные, которых назвали «гражданскими рабочими», и в 1945 г. «сдавшийся в плен противник», т. е. солдаты держав Оси, сдававшиеся в плен в массовом порядке в момент капитуляции Германии.

Одним из основных следствий пересмотра Конвенции в 1949 г. было увеличение количества людей, которым в случае захвата в плен должен был быть предоставлен статус военнопленного. Это было отражено в статье 4, являющейся ключевой статьей третьей Женевской конвенции.

³ Kurt Böhme, *Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand*, München, 1966.

Самым сложным вопросом было положение партизан, ведущих борьбу на оккупированных территориях. Во время второй мировой войны оккупирующая держава считала их не комбатантами, а преступниками, и они подвергались суровым репрессиям.

Дипломатическая конференция 1949 г. приняла нормы Гаагского положения о четырех условиях, которые должны выполняться комбатантами, чтобы они имели право на привилегии, предоставляемые международным правом: наличие ответственного командующего, ношение знаков отличия, открытое ношение оружия, ведение военных действий в соответствии с законами и обычаями войны. Кроме того, Конференция уравнила партизан с местными военизированными формированиями и народным ополчением, оказывающими поддержку регулярным войскам только в случае, если они «принадлежат» к одной из сторон, принимающих участие в конфликте. Затем, в порядке дополнения Гаагского права, она постановила, что эти формирования могут действовать и на оккупированной территории.

Все это было большим шагом вперед в признании движений сопротивления, но мы должны понимать, что огромное число участников этого движения во время последней мировой войны не попадали бы под эти положения.

На Дипломатической конференции 1974—1977 г. также затрагивались эти вопросы, поскольку все сильнее разгорались партизанские войны — феномен старый, но приобретающий новое звучание и поэтому заслуживающий пристального внимания. Жертвы партизанских войн, особенно среди гражданского населения, нуждались в защите.

Партизанская война характеризуется тем, что часто ведется скрыто; партизаны совершают набеги и устраивают засады, пытаясь создать у противника чувство неуверенности. Партизанские отряды возникают, главным образом, там, где одна из противоборствующих сторон имеет значительный перевес сил — хорошо вооруженные регулярные войска с одной стороны и небольшие партизанские отряды с другой. Эти отряды пытаются компенсировать свою слабость, действуя скрыто и совершая террористические акты —

обычное оружие слабых. В таких случаях правительственная армия часто бросает все силы на их жестокое подавление и при этом сама нарушает законы.

Решение, принятое в результате отчаянных споров, состояло прежде всего в том, чтобы определить как можно более точно, что такое вооруженные силы, а затем расширить список категорий воюющих, применив четыре традиционных условия Гаагского положения. Было решено, что все комбатанты должны быть легко отличимы от мирного населения, но не было решено, какими образом это должно быть сделано. Возможно, с помощью специальных знаков отличия, но уж во всяком случае путем открытого ношения оружия. Тем не менее, в Протоколе 1977 г. было отмечено, что бывают случаи, когда партизаны не могут, не подвергая риску свою жизнь или успех операции, отличать себя от гражданского населения. В таких ситуациях от них требуется открытое ношение оружия во время каждого военного столкновения и в ходе развертывания в боевые порядки, предшествующего началу нападения.

Еще один положительный момент Конвенции 1949 г. по сравнению с предыдущей версией — репатриация военнопленных по окончании военных действий. В Конвенции 1907 г. говорилось, что это необходимо делать «после заключения мира». Однако Версальский договор, положивший конец первой мировой войне, был подписан лишь в 1920 г., то есть многие солдаты не могли вернуться на родину в течение двух с половиной лет после того, как был произведен последний выстрел. В Конвенции 1929 г. была сделана попытка ускорить возвращение военнопленных, приурочив его к заключению перемирия. Но вторая мировая война для многих стран закончилась без подписания мирных договоров и без перемирий. И опять миллионам солдат пришлось ждать в лагерях, некоторым из них — целых четыре года после капитуляции.

Пересмотренный в 1949 г. вариант Конвенции оговаривает, что пленные должны быть освобождены и отправлены на родину немедленно после прекращения активных военных действий. Можно предположить, что вопрос тем самым был решен окончательно, но в конце корейской войны возникло противоречие: некоторые

пленные, находившиеся на юге, отказывались возвращаться на север. Нужно ли было репатриировать их насильно? Организация Объединенных Наций дала на это отрицательный ответ, и пленных не принуждали к возвращению, если они этого не хотели. В будущем, подходя гуманно к рассмотрению каждого конкретного случая, нужно следить, тем не менее, за тем, чтобы не нарушить основной принцип репатриации, иначе возникает риск того, что постепенно, под самыми разными предлогами, репатриация вообще перестанет осуществляться.

Необходимо также отметить, что Женевские конвенции 1949 г., в том числе Конвенция о военнопленных, были ратифицированы всеми странами. Это был значительный успех по сравнению с Конвенцией 1929 г., если принять во внимание, что именно факт нератификации Конвенции некоторыми странами был камнем преткновения и причиной стольких трагедий во второй мировой войне.

4. Защита гражданского населения от произвола.

В мирное время положение иностранцев оговорено в договорах, которые защищают людей и имущество посредством дипломатических и консульских служб их собственных стран. В случае вооруженного конфликта все это здание, сложенное из соглашений, рушится.

Совсем недавно многие гражданские лица, на протяжении многих десятилетий и даже поколений проживавшие в какой-либо местности, были абсолютно лишены правовой защиты и отданы на милость властей страны, где они проживали. К сожалению, о милости вспоминали редко.

Эта постыдная ситуация продолжалась столетия. Но в наше время восторжествовал принцип, по которому военные действия могут вестись только против вооруженных сил, а не против мирного населения.

В настоящей главе мы рассмотрим вопрос о защите гражданского населения от произвола и злоупотребления властью со стороны враждебного государства, а в следующей главе — защиту гражданского населения от определенных видов оружия.

Гаагское положение 1899 г., пересмотренное в 1907 г. содержит несколько основных норм относительно гражданского населения. Например, в нем сказано, что оккупационные силы должны уважать «права и честь семей, жизнь людей, частную собственность». Однако подобная защита предоставляется лишь на оккупированных территориях.

Во время пересмотра Положения в 1907 г. японская делегация предложила внести положение о том, что гражданское население территорий, принадлежащих враждебной державе, не должно быть интернировано, если это не продиктовано соображениями военной необходимости. Это дополнение было отвергнуто, и хотелось бы подчеркнуть, что оно было отвергнуто единогласно не потому, что делегаты не доверяли гражданскому населению, а наоборот, т.к. само собой подразумевалось, что эти люди не будут интернированы.

Известно, как в действительности обстояло дело во время первой мировой войны. В первый же день мобилизации большинство стран, участвовавших в войне, закрыли границы, задержав находившихся на их территории граждан государств противника, которые практически все были интернированы. Приведем имя лишь одного из них, доктора Альберта Швейцера⁴. МККК спешно предпринял шаги по оказанию помощи интернированным лицам. И вновь все убедились, насколько наивно верить в то, что «само собой разумеется».

После окончания войны МККК постарался восполнить этот очевидный и весьма досадный пробел в международном праве. Он подготовил проект конвенции и предложил рассмотреть вопрос о гражданском населении одновременно с соглашением о военнопленных. Эта инициатива была встречена с неудовольствием некоторыми высокопоставленными чиновниками. Кое-кто даже с некоторой долей лицемерия заявил, что такие положения в

⁴ Доктор Швейцер родился в Эльзасе, когда Эльзас был частью Германии, и был интернирован на короткое время во Французской Экваториальной Африке, а позднее - во Франции. Тем временем его госпиталь был разрушен.

международном праве были бы равносильны предательству дела всеобщего мира, который является целью только что созданной Лиги Наций. Естественно, Дипломатическая конференция 1929 г. обсуждала только вопросы, связанные с вооруженными силами.

Тем не менее МККК внес свое предложение на пятнадцатой Международной конференции Красного Креста в Токио в 1934 г., где проект МККК был одобрен.

Это проект ограничивал категории гражданских лиц из числа находящихся на вражеской территории и подлежащих интернированию лишь теми, кто должен быть мобилизован, а также подозрительными лицами. Он разрешал также желающим вернуться на родину, запрещал принудительную эвакуацию и массовую депортацию, гарантировал свободу всем остальным лицам при соблюдении необходимых мер контроля и безопасности. Наконец, гражданским интернированным лицам гарантировалось по меньшей мере такое же обращение, как и военнопленным.

На оккупированных территориях запрещались депортация населения и казнь заложников, а гражданскому населению предоставлялось право переписки и получения помощи.

И последнее. Проект предусматривал осуществление такого же контроля, который осуществлялся в отношении военнопленных по условиям Конвенции 1929 г.

Конференция Красного Креста обратилась с просьбой к МККК рассмотреть совместно с правительством Швейцарии возможность созыва дипломатической конференции для придания законной силы документу, названному «Токийским проектом».

МККК получил полную поддержку Федерального Совета Швейцарии, согласившегося на созыв конференции и разославшего государствам проект как предложение для обсуждения. Ответы на приглашения приходили медленно — многие приглашенные недооценивали важность поставленной проблемы. Лишь в 1939 г. был назначен срок проведения конференции — начало 1940 г. Было уже, однако, слишком поздно, и начало военных действий сделало невозможным проведение конференции.

С самого начала войны МККК настаивал на том, чтобы враждующие стороны руководствовались Токийским

проектом. Поскольку эти призывы не находили понимания, МККК предложил более ограниченное решение проблемы гражданского населения, оказавшегося на территории противника с началом военных действий. Это решение сводилось к распространению на него соответствующих положений Конвенции о военнопленных. Оно было принято государствами, заключившими соответствующие соглашения при посредничестве МККК. Результатом было то, что около 160000 человек из числа гражданского населения получили юридический статус и гарантии, сходные со статусом и гарантиями, предоставляемыми военнопленным.

Однако, ничего не было предусмотрено для гражданского населения в оккупированных странах, тогда как Токийский проект защищал и эту категорию лиц. По сути, оккупация большей части Европы обрекла миллионы гражданских лиц на зависимость от одного единственного противника. Поскольку не было силы, способной противостоять этому противнику, и не было никаких шансов на взаимность, которая могла бы облегчить его положение, гражданское население подвергалось все возрастающему произволу. Миллионы людей были депортированы. Многие удерживались в качестве заложников, интернировались в концентрационных лагерях, они подвергались пыткам и убийствам. Всем известно об этой величайшей трагедии современности.

В условиях отсутствия какой-либо юридической базы МККК предпринимал всевозможные инициативы. Несмотря на то, что до определенной степени он мог действовать в странах-союзниках Германии, в самой Германии он встречал упорное противодействие. Ему отказывали в предоставлении информации о гражданском населении, делегатов МККК не пускали в концлагеря вплоть до заключительной фазы войны. Но даже в этих условиях некоторые уступки были достигнуты. Стало возможным доставлять продукты питания страдающим людям, и многие жизни были спасены.

В послевоенной работе по развитию гуманитарного права доминировала настоятельная необходимость найти, наконец, эффективные дипломатические средства предоставления гражданскому населению гарантий, до тех пор не

существующих. Как сказал Макс Хубер, в последствии ставший президентом МККК, «эволюция войны в сторону приобретения все более тотального характера фактически поставила вооруженные силы и гражданское население на один и тот же уровень опасностей и бед».

Это было нелегким делом, поскольку затрагивало практически совершенно новую юридическую сферу. Женевские конвенции применялись до сих пор только по отношению к военнослужащим, четко определенной категории лиц, возглавляемой командующим и подчиняющейся строгой дисциплине. С этого момента они должны были распространяться на всю неорганизованную массу гражданского населения на всей планете.

Далее, новая Конвенция не должна ограничиваться, как все предыдущие, заботой о людях, уже ставших жертвами войны. Она должна не допустить, чтобы люди становились жертвами. Хочется опять процитировать Макса Хубера. «Мы воевали лицом к лицу с войной как таковой, теперь уже не просто чтобы облегчить страдания, но и устранить причины страдания». Кроме того, раненые и пленные перестали представлять опасность, чего нельзя сказать о многих гражданских лицах. Мы вторгались на незнакомую, неизведанную территорию.

Таким образом, четвертая Женевская конвенция явилась главным достижением Дипломатической конференции 1949 г.

Она провозгласила в качестве основополагающего принципа, что уважение должно быть гарантировано человеку при любых обстоятельствах, и, соответственно, запретила запугивание, пытки, коллективные наказания, репрессалии, взятие заложников и депортацию.

Признавая право иностранцев покидать страну в начале и в разгар конфликта, Конвенция также подтверждает право государства задерживать тех, кто может обратиться против него оружием или владеет государственными тайнами. Те, кому отказано в выезде, могут в суде оспаривать этот отказ. Им необходимо разрешить вести нормальную жизнь.

При каких обстоятельствах будет разрешено интернировать гражданское население? Только если эти люди представляют серьезную угрозу безопасности государства. Но если они интернированы, им нужно

предоставить возможность пересмотра их дел в компетентном суде с интервалом в шесть месяцев.

На оккупированных территориях гражданских лиц в возрасте до восемнадцати лет нельзя принуждать к труду, и никого из гражданских лиц нельзя заставлять принимать участие в военных действиях. Оккупирующая держава обязана обеспечить поставки продуктов питания и медикаментов, работу служб коммунального хозяйства и здравоохранения. Если она не может обеспечить все это, она обязана принимать грузы помощи из-за рубежа.

Один из разделов посвящен законодательству на оккупированных территориях. Защищая население от произвола, он в то же время утверждает, что оккупационные власти должны быть в состоянии поддерживать порядок и противостоять бунтам.

В нормальной обстановке оккупационные власти должны поддерживать существующее в стране законодательство и существующие суды.

Значительный шаг вперед был сделан благодаря тому, что гражданские лица, лишенные свободы по какой-либо причине, будут впредь пользоваться, по сути, теми же льготами, что и военнопленные.

В Дополнительном протоколе 1977 г. мало говорится об особой защите гражданского населения от злоупотребления властью. С другой стороны, необходимо особо отметить его замечательную статью 75 «Основные гарантии», занимающую не менее трех страниц. Эта статья — даже более, чем знаменитая статья 3, общая для всех Конвенций 1949 г., — является сама по себе мини-конвенцией, оговаривающей минимум правил обращения со всеми лицами, затронутыми войной и не подпадающими под действие других Конвенций, например, гражданами нейтральных государств или государств, не связанных Конвенциями, а также шпионами и наемниками.

Это «краткое изложение права» действительно необходимо и вносит свой вклад в ограничение произвола, несмотря на то, что основные положения, содержащиеся в нем, уже нашли свое отражение в национальных законодательствах большинства стран. Статья, в частности, содержит полный перечень юридических гарантий, которые должны быть

предоставлены каждому человеку. Можно также сослаться на специальные положения, учитывающие интересы беженцев, женщин и детей.

Однако, как мы увидим дальше, Конференция 1977 г. завершила свою новаторскую законотворческую работу обеспечением защиты населения от воздушных бомбардировок.

5. Внутренние вооруженные конфликты.

Перед Красным Крестом не стоит вопрос о законности либо незаконности вооруженных конфликтов — для него существуют только жертвы, которым необходимо помочь. Принцип гуманности, которым руководствуется Красный Крест и который лежит в основе гуманитарного права, распространяется на всех нуждающихся без исключения. Кровь везде одного цвета, и Красный Крест всегда должен помнить о своей миссии — облегчать человеческие страдания.

Важной проблемой, стоящей перед МККК и приобретающей все большее значение, был поиск путей адаптации законодательства, применимого в ситуациях международных вооруженных конфликтов, к внутренним конфликтам.

Исторически гражданские войны были первыми войнами, с которыми столкнулся Красный Крест. Шекспир давным-давно удачно сравнил гражданские войны с самоубийством. Безусловно, это одно из величайших проклятий человечества, такое же древнее, как само человечество. Гражданские войны порождают больше страданий, чем войны между государствами, из-за присущих им ненависти и жестокости. Почему это происходит? Не боясь показаться циничным, можно утверждать, что во время внутренних конфликтов мы прекрасно знаем людей, с которыми сражаемся и имеем личные причины ненавидеть их. В войнах же между государствами сколько солдат испытывают личную неприязнь к врагу? Конечно, очень мало.

Трудно лучше охарактеризовать сознание, управляющее внутренними конфликтами, чем это сделал Светоний, цитируя слова императора Вителлия, сказанные тем в битве при Бедриаке. Когда кто-то из его приближенных заметил,

что непогребенные тела его политических противников издают мерзкий запах, Вителлий сказал: «Труп врага всегда хорошо пахнет, — особенно если это труп соотечественника».

Наряду с международными войнами история изобилует фактами восстаний против монархов и существующего порядка, — зачастую закономерной реакцией против тирании. Такие восстания назывались революциями, мятежами, бунтами и т.д. В наши дни это обычно называется подрывной деятельностью. Эти восстания похожи на другие войны, как близнецы, но имеют характерные и губительные отличия: никому не приходит в голову, что при подавлении восстания необходимо руководствоваться какими-либо законами, поэтому их подавление осуществляется с беспрецедентной жестокостью и сопровождается кровопролитием.

Мы не будем рассматривать эти факты с точки зрения законности восстания большинства населения, стремящегося свергнуть тиранию. Нас интересуют лишь гуманитарные аспекты.

Лишь в XVIII веке появилась идея руководствоваться законом даже в борьбе против тех, кто поднялся против правителей. Юрист из Нешателя, Эмерих Де Ваттель, первым сформулировал это предложение, правда несколько робко.

Менее чем через 20 лет после публикации «Права наций» Ваттеля появилась некоторая надежда: во время революции в Америке обе стороны руководствовались обычным правом при ведении войны. Но эта надежда быстро исчезла, когда прочие попытки обрести независимость были подавлены с особой жестокостью: в Греции, Польше, Латинской Америке.

Несмотря на ужасы гражданской войны в Америке, закон там все же соблюдался благодаря президенту Аврааму Линкольну и его советнику по вопросам законодательства Френсису Либеру, который посвятил внутренним конфликтам целый раздел *Инструкций для командующих армий Соединенных Штатов на поле боя*, полагая долгом обеих сторон конфликта соблюдение ими права войны.

Однако, в более поздних конфликтах вновь преобладали жестокость и зверства. После Парижской Коммуны в 1871 г. было казнено в общей сложности около 25000 человек.

Именно в это время МККК стал очень активно содействовать проведению в жизнь более гуманных воззрений. Ему пришлось преодолевать огромные и, на первый взгляд, непреодолимые препятствия, покорять две священные цитадели: национальный суверенитет и безопасность государства. Очевидно, что у правительства нет страшнее врагов, чем те, кто пытается силой свергнуть существующий режим. Правительство считает их преступниками и желает иметь руки развязанными для подавления восстания. При этом чье бы то ни было вмешательство с целью оценки законности используемых средств ему не нужно. Поэтому неудивительно, что гуманитарные усилия в этой деликатной сфере всегда наталкивались на сильное противодействие со стороны государств и подвергались двум обвинениям: вмешательство во внутренние дела государства и предоставление помощи бандитам и разбойникам.

Во время второй карлистской войны в Испании (1872 — 1876 гг.) МККК первым предпринял решительные шаги по оказанию помощи жертвам гражданской войны. При посредничестве президента Испанского Красного Креста доктора Ланды, весьма значительной фигуры в гуманитарном движении, ему удалось подвинуть правительство на отдачу приказа об уважении раненых повстанцев, медицинского персонала и пленных.

Немного позднее, во время мятежа против турок в Герцеговине в 1874 г., МККК решил предпринять конкретные действия по оказанию помощи и направил своего делегата на место разворачивающихся событий, заявив, что мотивы этих действий Красного Креста «исключительно гуманитарные и аполитичные».

Возможность правового регулирования гражданских войн обсуждалась на Международной конференции Красного Креста в 1912 г. Американский делегат Кларк выступил за вмешательство Красного Креста в такие вооруженные конфликты. Его речь вызвала оживленные отклики, один из которых принадлежал русскому делегату, сказавшему: «Общества Красного Креста не имеют права с уважением относиться к мятежникам или революционным бандам,

являющимися преступниками по законам моей страны». Это было слишком далеко от духа Красного Креста. В этом вопросе не было принято никакого решения.

Но это не помешало Красному Кресту действовать во время революционных событий в Восточной Европе в 1917 г. и далее, в 1919 г. 7 августа 1918 г. Ленин подписал декрет о признании Женевской конвенции, но это не означало, что ее соблюдали во время военных действий. В Венгрии Бела Кун предоставил МККК право посещать арестованных и помогать им.

В 1921 г. идея признания законным такого вмешательства была встречена более тепло, и Международная конференция Красного Креста в этом же году провозгласила моральное право жертв гражданских войн пользоваться помощью в соответствии с гуманитарными принципами.

В 1936 г. началась гражданская война в Испании, опустошавшая страну в течение трех лет. МККК удалось немного облегчить страдания людей. Он потребовал соответствующего отношения к госпиталям. Его делегаты посетили 40000 пленных и возвращенных заложников. Родственники переписывались с пленными через его Агентство в Женеве.

После второй мировой войны считалось, что международных войн будет меньше, а больше — гражданских, имеющих целью, в первую очередь, свержение существующих правительств. Поэтому МККК вернулся к идее придания силы закона знаменитой 3-ей статье, общей для всех Женевских конвенций, смысл которой сводится, ни много ни мало, к подчинению национальных явлений международному праву.

Эта проблема была решена на Дипломатической конференции 1949г. после продолжительных и горячих дебатов. Окончательное решение было новым, смелым и парадоксальным, явившимся важным шагом в развитии современного права и стремящимся ограничить суверенитет государства во благо индивидуума.

Решение состояло в разграничении между основополагающими принципами Конвенций — правилами гуманности, имеющими абсолютную ценность и обязательными в любых обстоятельствах, — и другими положениями, которыми

стороны должны руководствоваться при внутреннем вооруженном конфликте полностью или частично через специальные соглашения.

Поскольку эти принципы не были четко определены, Конференция приняла общую формулировку, содержащуюся в 3-ей статье об уважении к человеческой личности, которую МККК тщетно предлагал как преамбулу к Конвенциям. В этой статье перечислялись действия, недопустимые ни при каких обстоятельствах, например, угроза жизни человека, ущемление человеческого достоинства, взятие заложников, исполнение приговоров, не вынесенных законным судом.

Статья 3 не защищала, однако, тех, кто выступает с оружием в руках против правительства, от вынесения им приговора на основании национального законодательства. Решающий шаг в уравнивании в правах захваченных повстанцев и военнопленных еще не был сделан.

Однако статья гласит, что ее положения «не затрагивают юридического статуса конфликтующих сторон», и что «беспристрастный гуманитарный орган, такой как Международный Комитет Красного Креста, может предлагать свои услуги сторонам, участвующим в конфликте». По словам одного из делегатов, все это, по сути, превращает статью в отдельную «мини-конвенцию».

Таким образом, статья 3 является существенным шагом к универсализации Женевского права. Она уже оказала неоценимую услугу, применяясь на практике пропорционально доброй воле государств, поскольку следует отметить, что некоторые государства избегали ответственности, просто отрицая факт внутреннего конфликта.

Статья 3 была все же только первым шагом вперед, поскольку она была далеко неполной и требовалась ее дальнейшая доработка. Вместе с тем, во время подготовки к Дипломатической конференции 1974 г. МККК решил, что необходимо целиком посвятить один из двух проектов Дополнительных протоколов этому виду конфликтов. По сути, он предложил упрощенную версию Протокола I, адаптированную к особым условиям внутренних конфликтов.

Ценой за принятие детализированного Протокола такого рода стало ограничение его применения, сужение сферы его действия по сравнению с тем, о чем говорилось в Статье 3. Он был ограничен вооруженными конфликтами между правительственными войсками и организованными вооруженными группировками под ответственным командованием, в такой степени контролирующими часть национальной территории, который позволяет им готовить или проводить согласованные операции и выполнять решения Протокола. Дополнительная предосторожность заключалась в абсолютном исключении бунтов, единичных актов насилия и других действий подобного рода.

Протокол II относится только к конфликтам достаточно высокой степени интенсивности, хотя и необязательно к гражданским войнам в строгом понимании этого термина, поскольку не требуется ни признания состояния войны, ни существования квазиправительственных структур у восставших. В любом случае, как говорится в самой статье, статья 3 Конвенций 1949 г. остается в силе, и МККК всегда может потребовать ее соблюдения в случае конфликта, не предусмотренного в Протоколе II.

Во время принятия окончательного варианта Протокола II события приняли абсолютно неожиданный и неприятный оборот. В результате сильного противодействия со стороны определенных стран Третьего мира из документа в последний момент было убрано около половины всех положений без особой борьбы со стороны других делегаций.

27 оставшихся в Протоколе II статей много потеряли из-за таких грубых сокращений, но даже в таком урезанном виде Протокол II является значительным шагом вперед в гуманитарном праве. Его наиболее важные положения предоставляют основные гарантии всем людям, не принимающим участия в военных действиях, особенно женщинам и детям, и гарантируют гуманное обращение лишенным свободы. Судебное преследование сопровождается важнейшими юридическими гарантиями, но люди, поднявшие оружие против правительства все же подлежат суду.

До принятия Протокола не было основы для применения Гаагского права к внутренним конфликтам, и поэтому судьба населения целиком зависела от правительства, особенно если

дело касалось применения оружия или воздушных бомбардировок. Протокол II явился смелым нововведением в преодолении этого недостатка путем принятия принципов Протокола I. В нем оговаривается, что гражданское население и все, необходимое ему для выживания, не может быть объектом нападения. Запрещены действия и угрозы, преследующие цель запугать население. Протокол II, как и Протокол I, защищает установки и сооружения, содержащие опасные силы.

Как мы видим, статья 3, общая для Конвенций 1949 г., и Протокол II касаются, строго говоря (лат. *stricto jure*), лишь международных вооруженных конфликтов. Они не касаются простых внутренних беспорядков и политической напряженности. В этих ситуациях МККК пытается оказать помощь жертвам и посещать политических заключенных везде, где ему это разрешают.

С правовой точки зрения, защита индивидуума в этих обстоятельствах имеет большее отношение к такой отрасли, как права человека, а не Женевское право, и мы не будем здесь обсуждать эту проблему.

6. Право войны.

Как мы уже говорили, право войны, или Гагское право, устанавливает права и обязанности воюющих сторон при проведении военных операций и ограничивает воюющих в выборе средств и методов нанесения ущерба противнику. Оно обладает большей сферой применения, чем Женевское право, но также носит гуманитарный характер, хотя и не такой определенный, поскольку его главная цель — смягчить лишения, вызываемые войной и ограничить насилие, не обусловленное самой целью войны — подавлением сопротивления живой силы противника. При сравнении этих двух областей права было сказано, что Гагское право, в отличие от Женевского права, основывается скорее на разуме, чем на чувстве, на взаимной выгоде, а не на филантропии.

Рассмотрим два аспекта войны, представляющие особый интерес из-за их гуманитарного воздействия: защита гражданского населения от бедствий войны и запрещение или ограничения использования определенных видов вооружений.

Тогда как все гуманитарное право возникло в результате колоссального творческого импульса, полученного в Женеве в 1864 г., первая глава права войны была написана в Санкт-Петербурге в 1868 г. Встревоженный изобретением нового вида оружия — разрывных пуль, царь Александр II, ранее уже продемонстрировавший свои гуманитарные воззрения, отменив крепостное право, созвал конференцию с целью «смягчить, насколько это возможно, бедствия, причиняемые войной». Это привело к принятию Санкт-Петербургской декларации от 11 декабря 1868 г., участниками которой до настоящего времени являются 17 государств. Декларация запретила не только применение разрывных пуль, но и, по инициативе швейцарской делегации, «любые снаряды весом до 400 граммов либо взрывающиеся, либо начиненные взрывчаткой или воспламеняющимся веществом». Можно отметить, кстати, что во время второй мировой войны этот последний запрет не соблюдался. Но что придает Санкт-Петербургской декларации такое большое значение, так это ее преамбула, которая сразу и с удивительной прямоотой выдвинула первый принцип права войны:

— Принимая во внимание, что ... единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил противника..., что для достижения этой цели достаточно выводить из строя наибольшее, по возможности число людей, что эта цель будет превышена использованием видов оружия, которое без пользы увеличивает страдания людей или делает их смерть неизбежной, ... использование таких видов оружия поэтому противоречило бы законам гуманности.

Можно отметить, что Декларация также отражает намерение подписавших ее сторон вновь встретиться в будущем для решения вопроса о запрещении других «негуманных» видов вооружений. Отметим это для себя.

Работы Либера и Блуншли подготовили общественное мнение к тому, что правовое регулирование войны необходимо и возможно. Это стремление нашло свое выражение в созыве русским царем конференции по кодификации права войны, которая и состоялась в Брюсселе в 1874 г.

Наиболее широко на конференции обсуждался вопрос об определении комбатантов — лиц, которые имеют право принимать участие в военных действиях. Именно в Брюсселе были выдвинуты четыре знаменитых условия, принятых впоследствии слово в слово в Гаагском положении о законах и обычаях войны. Было также оговорено, что открытые и незащищенные города и населенные пункты не должны подвергаться бомбардировкам, — мысль, нашедшая свое выражение в последующих документах, подписанных в Гааге.

Брюссельская декларация никогда не имела силы закона, никем не была ратифицирована. Но благодаря ей был пройден важный этап. В 1880 г. Институт Международного Права принял Оксфордское руководство, отредактированное Гюставом Муанье, одним из основателей Красного Креста. В Руководстве были четко сформулированы принципы права войны и было установлено надлежащее равновесие между гуманитарными идеалами и военной необходимостью.

В 1898 г. царь Николай II созвал в Гааге первую Конференцию по Миру, имевшую целью ограничить бедствия, вызываемые войной и запретить новые виды вооружений. Это породило большие надежды, но представители 26 стран, встретившись 18 мая 1899 г., быстро оставили идею сокращения вооружений и запрещения использования взрывчатых веществ и подводных лодок. Тем не менее на Конференции было принято решение о запрещении «метания снарядов с воздушных шаров», использования удушающих газов, — что относилось в ту эпоху еще к области научной фантастики, — а также «легко сплюсцивающихся и разворачивающихся в теле человека пуль», (речь шла о т.н. пулях дум—дум, которые в то время уже существовали и наносили ужасные раны).

Главной же целью Конференции было сформулировать «Положение о законах и обычаях сухопутной войны», которое базировалось на Брюссельской декларации и Оксфордском руководстве. Мы еще вернемся к этому в связи с текстами, пересмотренными в 1907 г.

Наравне с Конвенцией о применении в морской войне положений Женевской конвенции 1864 г., Конференция 1899 г. выдвинула проект Конвенции о мирном урегулировании конфликтов.

Участники Конференции выразили желание создать вторую Конференцию для завершения работы. Она была созвана в 1907 г. тоже в Гааге, но на сей раз по инициативе президента Соединенных Штатов.

Положение и две другие Конвенции были пересмотрены, особенно Конвенция о мирном урегулировании конфликтов, к которой была добавлена схема арбитража с целью недопущения такого конфликта. Из двух предыдущих Деклараций две были поддержаны: о пулях дум-дум и о метании снарядов с воздушных шаров.

Среди новых Конвенций одна была посвящена процедуре начала военных действий, вторая — правам и обязанностям стран, сохраняющим нейтралитет. Семь других касались военных действий на море и являлись главным достижением Конференции 1907 г.

Гаагское положение регулировало многие военные конфликты 20-го века, а некоторые его нормы все еще в силе. Они оговаривали права и обязанности противников в ходе военных действий, и в частности поведение комбатантов, а также ограничивали выбор оружия. Но в некоторых пунктах, однако, Положение было дополнено или заменено Женевскими конвенциями и недавно — положениями Дополнительных протоколов.

Давайте сейчас рассмотрим две основные области права войны.

а) Защита гражданского населения от военных действий.

Принцип установления различия между комбатантами и некомбатантами был принят не сразу. На протяжении многих веков считалось, что война вовлекает в сражения не только государства и армии, но и народы. Соответственно, гражданское население оказывалось во власти победителей, которые зачастую, даже если оставляли этих людей в живых, принуждали их к труду, грабили их и с презрением попирали их основные права. Гроций признавал и принимал такое положение вещей во время Тридцатилетней войны.

Мысль о том, что народ не должен быть вовлечен в военные действия, впервые появилась в XVI-ом веке, но укоренилась лишь в XVIII-ом. К сожалению, стремительное

развитие средств ведения войны в XX-веке хотя и не поставило под сомнение саму эту идею, крайне затруднило ее практическую реализацию. Угроза тотальной войны замаячила на горизонте.

Пожар первой мировой войны продемонстрировал всем явную недостаточность Гаагского положения. Это неудивительно, поскольку его нормы, даже в пересмотренном варианте, относились к 1907 г., а первые воздушные бомбардировки произошли во время итало-турецкой войны 1911—1912 гг. Появилось и новое бедствие — применение газа во время военных действий, которое мы обсудим позже.

Несмотря на то, что после первой мировой войны было заключено соглашение о неприменении химического и биологического оружия, отраженное в Женевском протоколе 1925 г., никакого всеобщего соглашения не удалось достичь по регулированию военных действий в воздухе. Никто не чувствовал необходимости созыва третьей международной конференции по миру. Самое большее чего удалось достичь комиссии юристов, заседавшей в Гааге в 1922 и 1923 гг., это составить отличный кодекс воздушной войны, включающий список военных целей. Но он, однако, так и остался проектом. МККК предпринимал отчаянные усилия, но тщетно. В марте 1940 г. он продолжал делать все, что было в его силах, и предложил враждующим сторонам заключить соглашение о подтверждении неприкосновенности гражданского населения и провозгласить, что только военные объекты подлежат нападению; но это предложение не было поддержано.

Разрушительные действия авиации в 1939—1945 гг. были беспрецедентны. Начиная с 1940 г. воздушная война приобрела колоссальный размах, уничтожив суммарно полтора миллиона гражданских лиц, из которых 600000 — в Германии и 360000 — в Японии, огромным было количество раненых, многие из которых на всю жизнь остались инвалидами.

Мы были беспомощными свидетелями необратимой эволюции военных действий в направлении глобальной войны, от обычных видов вооружений к атомным, с такими промежуточными формами, как «ковровая бомбардировка»,

ракеты ФАУ-2 и напалм. После окончания войны ядерная физика продолжала следовать своим ужасным курсом, и сегодня одной термоядерной бомбой можно уничтожить крупный город.

Что еще больше угнетало, так это тот факт, что даже среди руин разрушенных городов народы не предприняли попытки к восстановлению правил 1907 г., которые были похоронены под этими же обломками, за исключением Конвенции, заключенной в Гааге в 1954 г. под эгидой ЮНЕСКО о защите произведений искусства и других культурных ценностей.

МККК сделал еще одну попытку в этот период защитить гражданское население от истребления, хотя это означало выход за традиционные рамки Женевских конвенций. Осуществление этого сложного проекта он начал с простой констатации, что массовые бомбардировки населенных центров во время второй мировой войны не были оправданы в стратегическом отношении.

Проконсультировавшись с экспертами, МККК составил «проект правил», который и представил на 19-ой Международной конференции Красного Креста в 1957 г. К сожалению, великие державы не собирались связывать себя такими правилами, желая чувствовать себя свободными в ядерной области.

Но МККК не был обескуражен этим осложнением. В результате одобрения, полученного от 20-ой Международной конференции в 1965 г. и от Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1968 г., он подготовил ряд предложений, которые, в конце концов, после серии модификаций были отражены в Дополнительных протоколах к Женевским конвенциям. Их принятие стало главным достижением Дипломатической конференции 1974—77 гг.

Из всех положений в этом довольно внушительном своде правил можно особо выделить долгожданное определение гражданского населения и гражданских объектов, противопоставляющее их солдатам и военным целям, которые могут быть атакованы. Особо подчеркивалась общая неприкосновенность гражданского населения. Оговаривалось, что это население не может подвергаться

нападению и что запрещены т. н. «терроризирующие» бомбардировки, а также неизбирательные бомбардировки и бомбардировки в порядке применения репрессалий.

Одна из статей подтверждает охрану исторических памятников, произведений искусства и мест отправления религиозных культов во время военных действий. Другая статья запрещает использование голода как средства ведения войны. В связи с этим запрещены нападения на сельскохозяйственные угодья, скот, резервуары питьевой воды и другие жизненно важные объекты. В отдельной статье оговаривается охрана окружающей среды, что явилось очень важным нововведением. Еще одна статья запрещает нападение на объекты, содержащие опасные силы, высвобождение которых нанесло бы колоссальный вред гражданскому населению, это, например, плотины, дамбы и атомные электростанции, если они не используются для «прямой, постоянной и значительной поддержки военных операций».

Дополнительные пункты касаются мер предосторожности, необходимых для предотвращения ущерба, наносимого населению, в частности, необходимости идентифицировать военные объекты перед нападением на них, защиты необороняемых местностей и демилитаризованных зон, статус которых необходимо определить соглашением сторон. Эти положения составили основу новой системы.

Абсолютное запрещение репрессалий против гражданского населения стало большим завоеванием, достигнутым в результате оживленных дебатов. Некоторые делегаты считали, что так можно зайти слишком далеко, что это будет представлять большую сложность для страны, защищающейся от неразборчивого в средствах противника, возможно, нарушающего Протокол; что это может повлиять на исход войны и даже поставить под угрозу выживание одной из сторон. Поэтому они предлагали допустить возможность репрессалий в исключительных случаях при обязательном контроле. Но в конце концов проголосовали за абсолютное запрещение. Участники Конференции не захотели оставлять в гуманитарном праве лазейки для бомбардировки мирных жителей. И они оказались правы.

б) *Запрещение применения определенных видов вооружений или ограничение их применения.*

Это приводит нас к проблеме «жестокое» оружия и оружия массового уничтожения. В этой связи нас интересует не только защита гражданского населения, но и решение вопроса о допустимости применения ряда вооружений даже против вооруженных сил или запрещении их из-за причиняемых ими чрезмерных страданий.

Еще в древности были случаи запрещения использования определенного оружия, например, яда, отравленных и зажженных стрел, зазубренных наконечников пик, и т. д. наряду с идеей справедливой войны люди имели представление о «хорошем» и «плохом» оружии. Войну без соблюдения законов, вовлекающую женщин, стариков и детей, — «слепоую» войну — они называли «греховной» (*bellum nefarium*).

В Средние века церковь предпринимала робкие попытки запретить некоторые виды оружия, главным образом, арбалет. Но эти попытки, к сожалению, потерпели неудачу благодаря пресловутой теории справедливой войны.

Эти усилия были продолжены в XVIII-ом веке Ваттелем, провозгласившим, что воюющие стороны не должны иметь неограниченного выбора средств ведения войны, и что необходимо воздерживаться от нанесения излишнего ущерба. Однако, очень часто выдвигались доводы в пользу допустимости применения в справедливой войне любых средств — в случае необходимости (*Kriegsraison*) или как средства репрессалий.

На Санкт-Петербургской Конференции 1868 г. и Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. был вынесен ряд запретов: на разрывные пули и снаряды, применение яда, пуль дум-дум, удушающих газов, и т. д.. Были сформулированы общие важнейшие принципы, до сих пор не потерявшие своего значения. Они запретили использование оружия, наносящего излишний вред или вред, не оправдываемый целью войны. Подробнее об этом мы поговорим в разделе о принципах гуманитарного права.

Первая мировая война принесла новое несчастье, известное под названием газовой войны, хотя на самом деле это был не газ, а мельчайшие частички жидкости. Жертвами

первого токсичного облака, появившегося у г. Ипра в 1915 г. стали 15 000 человек, из которых 5 000 погибло. В конце войны заводы производили столько же газовых снарядов, сколько обычных.

После войны возникло движение за уничтожение этой угрозы, приведшее к заключению в 1925 г. под эгидой Лиги Наций Женевского протокола, объединяющего сейчас 85 стран. Очень короткий документ, применяемый при условии взаимности, запрещает использование на войне ядовитых, удушающих и прочих газов. Это было большим успехом, поскольку Протокол редко нарушался, во всяком случае в крупных масштабах.

В отличие от обычного дипломатического порядка, полномочные представители на конференции 1925 г. обратили взоры к будущему и запретили и бактериологическую войну — поступок тем более замечательный, что предусматривал создание в то время еще не существовавшего оружия. Такая война, однако, не была плодом больного воображения, поскольку генеральные штабы проводили и проводят интенсивные исследования в этой области и уже приступили к производству и накоплению сырья, что вызывает серьезную озабоченность.

Из 160 инфекционных болезней были выбраны особо опасные. Путем отбора была повышена их вирулентность, созданы большие запасы бактериологического оружия с целью возможного распыления его на территории противника и, соответственно, вызова эпидемий. Полкилограмма (1 фунт) токсина ботулизма теоретически сможет уничтожить все население Земли. Однако использование такого оружия сомнительно, поскольку существует слишком много неизученных факторов и стратегическая ценность бактериологического оружия еще не доказана.

В настоящее время химическая и бактериологическая войны запрещены законом — Женевским протоколом, — а также общими принципами и международно-правовыми обычаями. Осуждение этих двух варварских способов ведения войны поэтому носит всеобщий характер.

К концу второй мировой войны люди были поставлены перед фактом изобретения еще более грозного оружия — атомной бомбы. Те две бомбы, которые были сброшены на

Хиросиму и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г., погубили более 120000 человек и более 100000 людей сделали инвалидами. С тех пор призраки этого нового вида войны продолжают маячить на горизонте. Опасность все время увеличивается, и наука уже создала термоядерные бомбы, которые в тысячу раз мощнее их предшественниц. Одной такой бомбы достаточно для уничтожения крупного города. Теперь уже в опасности существование не какого-то числа людей, а человечества в целом.

Законно ли использование ядерного оружия в военных операциях? Этот вопрос горячо обсуждался. Использование такого оружия прямо не запрещено Конвенциями, составляющими писаное гуманитарное право, и до сих пор не представилось возможным урегулировать этот вопрос путем подписания общего договора. Можно отметить, однако, что резолюция Генеральной Ассамблеи ООН в 1961 г. официально осудила использование ядерного оружия как нарушение принципов Хартии ООН и гуманности. Дополнительные протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. не затрагивали эту проблему непосредственно, а потому существенно не изменили ситуацию в этом смысле.

Есть один прецедент, описанный в юридической литературе. В деле Шимода японский суд постановил, что ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки была незаконной. В интересном изложении причин, заставивших вынести такое решение, подчеркивается, что оружие не всегда является законным только потому, что оно новое; что Гаагское право распространяется по аналогии и на воздушные бомбардировки; что города, на которые было совершено нападение, были не защищены и не являлись военными объектами; и наконец, что последствия бомбардировки были еще более ужасными, чем от химического или бактериологического оружия.

Мнения разделяются в зависимости от юридической доктрины. Из-за отсутствия документов, специально посвященных данному вопросу, нам придется обратиться к общим принципам права. Здесь необходимо различать стратегические виды вооружения, сверхмощные бомбы и тактическое оружие, например, орудийные снаряды. Если говорить о мощных атомных бомбах, то понятно, что они

отличаются от обычных видов вооружений не только по своим разрушительным способностям, но и по своей природе, так как они оказывают не только механическое воздействие, но и термическое, радиоактивное и даже генетическое; последнее еще плохо изучено. Разрушения от них, безусловно, превышают цель войны в том виде, в каком мы ее недавно сформулировали, так как они уничтожают все на большой территории, и поскольку страдания, которые они причиняют, бесспорно чрезмерны, ведь они вызывают ужасные ожоги и обрекают на медленную смерть многих из тех, кто не погиб сразу.

Что касается тактического ядерного оружия, картина несколько другая: если можно производить «чистые» виды вооружений для использования на поле боя, наводить их исключительно на военные объекты, убедившись в том, что последствия этого имеют пределы в пространстве и времени, то трудно понять с точки зрения существующего права, на каком основании их можно запретить, если только не из-за огромной опасности «эскалации», которую они влекут за собой.

Прежде чем закончить эту тему, необходимо подчеркнуть настоятельную необходимость в точных и исчерпывающих документах, регулирующих использование ядерной энергии в военных целях. Пока же их нет, мы должны помнить, что общие принципы гуманитарного права в полной мере относятся к этому виду войны, если какой-нибудь недоучка, не имеющий никакого представления о бесчисленных последствиях такого поступка, возьмет на себя страшную ответственность и начнет ядерную войну.

Помимо так называемого оружия АБХ (атомного, бактериологического и химического) существует бесчисленное количество вооружений, называемых обычными, применение которых носит неизбирательный характер и может иметь ужасающие последствия. В качестве примера можно привести зажигательное оружие, включая напалм и огнеметы, осколочное оружие, например, шариковые бомбы, снаряды с высокой начальной скоростью, эффект от применения которых напоминает эффект от пуль дум-дум, и наконец, такое коварное оружие, как бомбы

замедленного действия, которые ставят под угрозу деятельность по оказанию помощи, а также простые мины и мины-ловушки.

При подготовке к Дипломатической конференции 1974 г. МККК не включил в свои предложения запрещение или ограничение каких-либо вооружений, так как было очевидно, что вопрос достаточно щекотливый, потому что имеет политическое и военное значение. Некоторые правительства, тем не менее, во главе со Швецией обратились к участникам Конференции с просьбой рассмотреть этот вопрос. МККК в это время созвал две конференции правительственных экспертов для рассмотрения данного вопроса: в 1974 г. в Люцерне и в 1976 г. в Лугано.

Дипломатическая конференция не дала никаких заключений по этой проблеме, но внесла предложение о созыве другой конференции специально для решения этого вопроса. Конференция состоялась под эгидой ООН в 1979 и 1980 гг., и 10 октября 1980 г. приняла «Конвенцию о запрещении или ограничении применения определенных видов обычных вооружений, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие». Несмотря на то, что сфера применения этой конвенции была относительно узкой, она все же стала большим достижением, на которое было даже трудно рассчитывать.

Сама Конвенция содержит правила процедуры и краткое описание соответствующих правовых принципов. Основные положения содержатся в трех Дополнительных протоколах, из которых государство, если оно хочет стать участником Конвенции, должно ратифицировать по крайней мере два.

Протокол I запрещает применение снарядов, осколки которых нельзя обнаружить в теле человека с помощью рентгена. Это относится, главным образом, к отвратительному изобретению — осколочным пластиковым бомбам.

Протокол II осуждает применение мин, мин-ловушек и других подобных приспособлений против гражданского населения или применение их неизбирательным образом, что

может вызвать случайные жертвы среди гражданского населения и нанести чрезмерный ущерб по сравнению с тем конкретным и непосредственным преимуществом, которое предполагается получить. Это относится, главным образом, к минам, установленным вне зон военных действий. Этот Протокол также запрещает, при любых обстоятельствах, мины-ловушки, способные причинить излишний вред или ненужные страдания. В особенности он осуждает размещение мин-ловушек во внешне безобидных предметах, например, в детских игрушках - подлый поступок, который пришлось осудить, так как были прецеденты. Протокол требует регистрации мест установки мин для опубликования этих сведений после прекращения военных действий.

Протокол III стал значительным шагом вперед, поскольку ограничил применение зажигательного оружия. Протокол подтвердил запрещение его применения в любом случае против мирных жителей и распространил это запрещение на военные объекты, расположенные в местах концентрации гражданского населения, а также леса и другие зеленые зоны, кроме случаев, когда они используются для укрытия войск или военных объектов.

И наконец, Конференция приняла резолюцию об опасных усовершенствованиях в области стрелкового оружия, обращаясь с просьбой к правительствам о проведении дальнейших исследований их воздействия и о принятии мер предосторожности в деле их дальнейшего усовершенствования.

Таковы документы, составляющие гуманитарное право, появившиеся на свет за последние годы. Это вехи, отмечающие огромный и несомненный прогресс в борьбе во имя человечества. Можно смело утверждать, что они направлены на выживание цивилизации. Хочется надеяться, что их быстрая ратификация всеми государствами придаст им универсальный характер.

III. ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.

Международные Конвенции содержат множество правил, в которых очень четко сформулированы обязательства государств, но это еще не все. За этими правилами стоит ряд принципов, на которых базируются эти документы. Иногда мы находим их целиком в тексте Конвенций, некоторые достаточно ясно видны между строк, некоторые взяты из обычного права.

Нам знакома знаменитая «Оговорка Мартенса» в преамбуле Гаагского положения, где, в частности, говорится, о «принципах права наций, как они возникли из обычаев, установившихся в отношениях между цивилизованными народами». Ряд статей в Женевских конвенциях 1949 г. имеет отношение к этим принципам, которые также важны в гуманитарном праве, как и во всех других юридических сферах. В определенном смысле их можно сравнить со скелетом живого организма, дающим опору в непредвиденных ситуациях; они дают полное представление о целом, легки для понимания и совершенно необходимо распространять о них знания и информацию.

В рассматриваемой нами сейчас сфере права определенные принципы гуманитарного права действуют во всякое время, повсеместно и при любых обстоятельствах и применимы даже к государствам, не являющимися участниками Конвенций, потому что эти принципы отражают обычаи народов — факт, который мы рассмотрим ниже, в связи с универсальным характером гуманитарного права.

Принципы ни в коем случае не вытесняют правила, сформулированные в Конвенциях. Именно к этим правилам должны обращаться юристы, если встает вопрос о применении Конвенций.

К сожалению, мы живем в такое время, когда на международных конференциях процветают формализм и пустословие, так как дипломаты обнаружили преимущества, которые можно извлечь из витиеватых и длинных, сложных и туманных выступлений, точно также, как военные

командиры используют дымовую завесу на полях сражений. Это легкий способ скрыть основные проблемы, но он таит опасность того, что буква закона возобладает над его духом. Поэтому сейчас важнее, чем когда-либо раньше, в таком тумане велеречивости, использовать простые, понятные и точные слова.

В 1966 г. впервые были сформулированы принципы гуманитарного права¹, основанные, в частности, на Женевских конвенциях 1949 г. Пора вспомнить эту формулировку в свете Дополнительных протоколов 1977 г. и Конвенции ООН от 10 октября 1980 г. «О запрещении или ограничении применения определенных видов обычных вооружений». Это и есть цель настоящего исследования.

Преамбула

В случаях, непредусмотренных Конвенциями, гражданское население и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания.

Это положение, появившееся благодаря гению Фридриха фон Мартенса, было сформулировано в 1899 г. Поскольку данная формулировка вошла в Протоколы и Конвенцию 1980 г., вероятно, будет правильным вынести ее во вступление к главе о принципах гуманитарного права.

Применение гуманитарного права не затрагивает правового статуса сторон, находящихся в конфликте.

Эта формулировка, завершающая статью 3, общую для всех четырех Женевских конвенций 1949 г. и относящаяся к немеждународным конфликтам продемонстрировала свою важность на деле. Она стала своего рода предохранительным клапаном для устранения опасений политического характера, так как убедила людей, занимающих официальное положение, что подчинение нормам гуманитарного права не означает признания государством за своим противником

¹ Jean Pictet, *The Principles of International Law*, Geneva, 1966.

статуса воюющей державы, а противник лишается возможности извратить цель статьи 3 и использовать ее в целях, далеких от гуманности.²

Позднее, как известно, Протокол I усилил меры по назначению Держав-покровительниц, так как со времени второй мировой войны воюющие стороны очень редко прибегали к этому институту, несмотря на то, что он очень важен. Такое положение объясняется, главным образом, политическими причинами, нежеланием сторон юридически признать своих противников.

В связи с этим Протокол оговаривает, что «назначение и признание Держав-покровительниц с целью применения Конвенций и настоящего Протокола не затрагивают правового статуса сторон, находящихся в конфликте» (статья 5, пункт 5).

Но это еще не все. В более общем виде Протокол постановляет, что «Применение Конвенций и настоящего Протокола, а также заключение соглашений, предусмотренных этими документами, не затрагивают правового статуса сторон, находящихся в конфликте» (статья 4). Это положение впоследствии приобрело статус принципа.

А. Основные принципы.

Как и любая другая дисциплина, гуманитарное право имеет определенные основные принципы, на которых базируются все остальные.

Не претендуя на то, что оно в состоянии положить конец войнам, гуманитарное право стремится уменьшить чрезмерную жестокость войны. Взаимные интересы воюющих сторон в свою очередь побуждают их соблюдать определенные «правила игры» при военных действиях. Таковы источники права войны и гуманитарного права.

² В интересах установления истины, мы должны тем не менее признать, что если правительство берет на вооружение статью 3, оно тем самым признает, что на территории его страны имеет место «вооруженный конфликт» и, соответственно, имеется вторая «сторона в конфликте», приобретающая свой статус в рамках гуманитарного права. Это ни в коем случае не должно являться препятствием для соблюдения условий статьи.

Наше время, однако, отмечено возникновением политических идеологий, стремящихся все подчинить достижению своих целей, а при необходимости — даже силой оружия. В то же время появляется все больше движений, ставящих своей целью свержение существующих режимов при помощи силы.

Таким образом, мы все быстрее приходим к убеждению, что одна часть международного права, которую можно назвать правом гуманности, охватывающая право вооруженных конфликтов и права человека, должна обеспечить по крайней мере минимум гарантий и гуманизма каждому человеку, будь то в военное или в мирное время.

Можно сформулировать Принцип Права Гуманности следующим образом:

Военная необходимость и поддержание общественного порядка всегда должны сочетаться с уважением к человеку.

Вечное противостояние гуманизма и необходимости можно проиллюстрировать классическим конфликтом Креона и Антигоны. В силу государственных интересов долг Креона — поддерживать общественный порядок, в то время как Антигона подчиняется более важному, неписаному закону, утверждающему превосходство интересов индивида над государственными.

Выражаясь современным языком, при ведении военных действий и поддержании общественного порядка всегда необходимо строго придерживаться неизменных норм гуманитарного права.

Из этого принципа появился Принцип гуманитарного права (или права войны):

Воюющие стороны не должны наносить своему противнику ущерб, несопоставимый с целью войны, которая заключается в уничтожении или ослаблении военной мощи противника.

Война, в отличие от мира, не является нормальным состоянием общества. Она оправдана только необходимостью и не должна быть самоцелью.

Война — это последнее, крайнее средство, с помощью которого одно государство навязывает свою волю другому государству. Война заключается в использовании

государством силы, необходимой для достижения своих собственных целей. Любое насилие, не ведущее к достижению этой цели, является излишним. Упорствовать в этом и жестоко, и глупо.

Для достижения своей цели, а именно — превосходства над противником, государство, принимающее участие в конфликте, стремится уничтожить или ослабить военный потенциал противника с минимально возможными потерями для себя. Этот военный потенциал состоит из двух элементов: материальных и людских ресурсов.

С целью ослабления людских ресурсов противника — то есть, людей, непосредственно принимающих участие в боевых действиях, — можно убивать, ранить, брать в плен. Эти три способа эквивалентны с точки зрения военной эффективности, так как все три уничтожают действующие силы противника.

С точки зрения гуманности рассуждения будут совсем другими, и эти три способа совсем не эквивалентны, поскольку захват врага в плен предпочтительнее чем ранение, а ранение лучше, чем убийство; мирное население нужно по возможности щадить, нанесенные раны должны быть как можно более легкими, чтобы раненых можно было вылечить, ранения должны причинять как можно меньше страданий. Условия содержания в плену должны быть терпимыми.

Как показывает практика, военачальники прекрасно это понимают, — ведь никто не требует, чтобы они пренебрегали своим долгом как солдаты и патриоты. Можно достичь того же самого результата, причиняя меньшие страдания. Продлевать страдания противника, который уже не может принимать участие в боевых действиях, не оказав ему помощи или дурно с ним обращаясь — бесполезно, даже с самой реалистической точки зрения.

Именно из данного принципа вытекает следующий Принцип Женевского права:

Лица, выведенные из строя, а также те, кто не участвует непосредственно в боевых действиях, имеют право на уважение, защиту и гуманное обращение.

Перед лицом самой грозной демонстрации силы, известной в мире, — войны — Красный Крест воздвиг хрупкое препятствие, составленное из слов, под названием гуманитарное право.

Принцип Женевского права определяет три обязанности по отношению к жертвам войны: уважение, защита и гуманное обращение. Какими бы похожими ни казались эти обязанности, между ними есть тонкие различия, но вместе они составляют гармоничное целое. Было бы опасно дать детальное определение гуманному обращению, так как это определение никогда не будет успевать за фантазией негодяев. Чтобы понять, что это такое, необходимо обладать только здравым смыслом и доброй волей. Достаточно будет сказать, что это такое обращение с индивидуумом, которое позволяет ему вести спокойное существование.

Принцип гуманитарного права также дал основу для Принципа права войны (Гаагского права):

Право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения военных действий не является неограниченным.

Гаагское положение 1907 г. утверждает: «Право воюющих сторон использовать средства нанесения ущерба противнику не является неограниченным» (статья 22). Это положение было полностью подтверждено Дополнительным протоколом I, процитированным выше.

Б. Общие принципы.

Основные принципы, как уже было отмечено, являются базой для других принципов, прежде всего, общих для Женевского права и Прав человека.

Первым в этом списке стоит принцип неприкосновенности:

Каждый имеет право на уважение к жизни, физическую и психическую неприкосновенность, на уважение всего, что является неотъемлемой частью его личности.

Этот неоспоримый постулат лучше всего объясняется принципами его применения:

1. *Павший на поле боя неприкосновенен; противник, сдающийся в плен имеет право на сохранение жизни.*

Очевидно, что этот принцип касается только комбатантов. Это краеугольный камень Женевских конвенций. Убивать можно только солдата, который сам готов убивать.

Протокол I подтвердил и развил этот тезис о защите противника, который «ясно выражает намерение сдаться в плен» или «находится без сознания или каким-нибудь другим образом выведен из строя вследствие ранения или болезни и поэтому не способен защищаться» (статья 41). Кроме того, было четко сформулировано правило, ранее считавшееся лишь обычаем: «Ни одно лицо, покидающее на парашюте летательный аппарат, терпящий бедствие, не должно подвергаться нападению в течение всего спуска на землю» (статья 42). Слово «пощада» было определено в следующих выражениях: «Запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых, угрожать этим противнику или вести военные действия на такой основе» (статья 40).

2. *Пытки, унижительные или бесчеловечные наказания запрещены.*

Среди предосудительных действий наиболее опасными и достойными осуждения являются пытки с целью получения информации. Для индивида они предоставляют собой источник непереносимых страданий. Кроме того, пытки оскорбляют человеческое достоинство, ибо они принуждают человека к совершению действий или к заявлениям против его воли, вынуждая тем самым предавать своих товарищей или даже свою семью, низводят его до положения раба в варварскую эпоху или даже, можно сказать, животного, недочеловека. Более того, пытки приводят к деградации тех, кто несет за них ответственность — как самих палачей, так и лиц, отдающих подобные приказы. Степень их деградации еще выше, чем у несчастных жертв.

С конца XVIII-го века, когда следственные пытки были запрещены в Европе, появилась надежда, что они вообще исчезнут, осужденные цивилизованными людьми. Но до этого, как оказалось, далеко. Они не только не исчезли, но мы даже являемся свидетелями их возрождения, более или

менее нелегального, и широкого распространения этого презренного явления. Попытки широко используются во многих странах с использованием научно-усовершенствованных методов, которые часто не оставляют следов преступления. Хуже всего то, что часто утверждается, что попытки — явление законное и необходимое для безопасности государства!

Попытки уже запрещены законом — законодательствами многих стран, международным правом, особенно Женевскими конвенциями, и законодательством о правах человека. Протокол I в новой и очень важной статье 75 об основных гарантиях запрещает «попытки всех видов, будь то физические или психические, ... телесные наказания, ... увечья, ... надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное или оскорбительное обращение, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой его форме».

Наши усилия должны быть направлены не на выработку новых запретов, а на улучшение действия уже существующих. Поэтому необходимо усовершенствовать меры контроля и систему санкций. Попытки часто практикуются без ведома высших инстанций. Начальство не должно больше закрывать глаза на действия своих подчиненных.

Достижение этой цели — основная задача проекта Конвенции, предложенной Швецией, которая сейчас рассматривается ООН.

3. Каждый имеет право на признание его прав человека перед законом.

Недостаточно защищать физическую и психическую неприкосновенность человека. Необходимо уважать его юридический статус и гарантировать ему полное соблюдение его гражданских прав, особенно право на защиту законом и вступления в правоотношения. Признание прав человека провозглашается без ограничений во Всеобщей Декларации Прав Человека. В Женевских конвенциях есть одна оговорка: в условиях плена осуществление гражданских прав может быть ограничено до необходимой степени.

4. Каждый имеет право на уважение его чести, семейных прав, убеждений и обычаев.

Люди очень чувствительны к посягательствам на их честь и самоуважение, и для многих эти чувства важнее собственной жизни. Нет необходимости говорить о важности семейных уз, но именно их святость дает неразборчивым в средствах негодьям принуждать людей поступать собственными убеждениями. Наносить удары духовному миру людей, угрожая самому дорогому для них, — наверное, самые трусливые и презренные деяния.

Философские, политические и религиозные убеждения — это основные составляющие человеческой личности. Если лишить человека этого, он перестает, в какой-то степени, быть целостным человеком. То же самое можно сказать о его обычаях. Мы наблюдаем это среди так называемых примитивных народов, которым силой навязан стереотип цивилизации. Они были отрезаны от родовых корней, которыми питалась их созидательная энергия, и пришли в упадок.

Статья 75 Протокола I, которая уже цитировалась, оговаривает, что государства «должны с уважением относиться к личности, чести, убеждениям и религиозным обрядам человека».

5. Каждому, кто страдает, должен быть предоставлен кров и обеспечен уход, необходимый в его состоянии.

Эта обязанность, отраженная в Женевской конвенции 1864 г., не менее актуальна сегодня, чем в то время.

Появившийся для военных и в военное время, этот принцип еще важнее для гражданского населения в мирное время. В этом случае он имеет более позитивный аспект и подтверждает право на сохранение здоровья и профилактику болезней.

6. Каждый имеет право на обмен известиями со своей семьей и получение помощи.

Ничто так не лишает человека душевного равновесия, чем беспокойство о его близких. Когда обстоятельства, особенно война, разлучают членов семьи, для них очень большое значение имеет возможность обмениваться письмами.

Именно по этой причине Международным Комитетом Красного Креста было организовано в Женеве Центральное агентство по розыску, действующее на принципах Женевских конвенций.

Протокол I признает «право семей знать о судьбе своих родственников» и определяет конкретные меры по поиску исчезнувших и погибших людей (статьи 32 — 34). Протокол II гласит, что задержанные и арестованные должны иметь возможность переписки со своими семьями (статья 5).

В Протоколе I имеются положения об организации международной помощи в случае необходимости и о провозе поставок помощи. В нем оговаривается также, что персонал, участвующий в операциях по оказанию помощи, должен пользоваться уважением (статьи 69 — 71).

7. Никто не может быть лишен собственности незаконным путем.

Вряд ли можно считать преувеличением роли материальных ценностей наблюдение, что в современном обществе собственность неотделима от жизни.

Кроме первого общего принципа — неприкосновенности, существует второй — недопустимость дискриминации, о котором мы скажем очень коротко. Он гласит:

Обращение со всеми людьми не должно иметь различий, основанных на признаках расы, пола, национальности, языка, социального происхождения, имущественного положения, политических, философских или религиозных убеждений или каких-либо других подобных критериев.

Аналогичные условия содержатся в нескольких положениях Протоколов 1977 г., особенно в Преамбуле и статьях 10 и 75 Протокола I и статье 2 Протокола II.

Необходимо признать, что этот принцип нельзя толковать в абсолютном смысле, так как, например, бывают благоприятные различия, которые стоит, а иногда и необходимо делать. В гуманитарном праве законны различия, основанные на степени страдания, бедствия или естественной уязвимости. Поэтому с женщинами необходимо обращаться, учитывая их пол. Протоколы содержат целый ряд положений об особой защите женщин и

детей. Заботой о раненых и больных проникнуто положение о том, что «между ними не проводится никакого различия по каким бы то ни было соображениям, кроме медицинских» (Протокол I, статья 10).

Поэтому своевременно будет дополнить великий принцип недопустимости дискриминации принципом применения:

Различия в обращении с людьми, однако, должны проводиться на благо индивидуумов, чтобы сгладить различия, вытекающие из их индивидуальных особенностей, потребностей или переносимых бедствий.

Третий общий принцип — принцип безопасности:

Каждый имеет право на личную безопасность.

Этот принцип определяется следующими принципами применения:

1. Никто не может считаться ответственным за поступок, который он не совершал.
2. Репрессалии, коллективные наказания, захват заложников и депортация запрещены.

Второй принцип непосредственно вытекает из первого.

Женевские конвенции запретили репрессалии по отношению к покровительствуемым лицам, но их все же продолжали применять в ходе военных действий, так как некоторые государства полагали, что это единственное средство заставить непокорного врага выполнять свои обязательства. Репрессалии, однако, противоречат общему принципу права, заключающемуся в том, что невиновный не должен быть наказан за деяния виновного. Кроме того, репрессалии обычно вызывают страдания и почти никогда не достигают своей цели.

Протокол 1977 г. сделал важный шаг, запретив репрессалии против гражданского населения даже в виде воздушных бомбардировок. Этот вопрос был решен Дипломатической конференцией лишь после долгих дебатов, но все же восторжествовало категорическое запрещение. Каково же будет юридическое положение воюющей стороны,

которая проигнорирует запрет и станет практиковать репрессалии? Будет считаться, что также, как и стороной противника, ею нарушен закон, и обе стороны будут считаться в равной степени виновными.

В большой статье 75 об основных гарантиях Протокол подтверждает запрещение захвата заложников и коллективные наказания.

3. Каждый имеет право на общепринятые юридические гарантии.

Статья 75 содержит настоящий свод юридических гарантий, к которому можно обращаться в любое время, так как он представляет их полный список.

4. Никто не может отказаться от своих прав, предоставленных ему гуманитарными Конвенциями.

Это может показаться довольно любопытным тезисом, поскольку защищает жертв конфликтов от них самих. Он, однако, оправдан, так как лица, находящиеся во власти противника, не являются независимыми и объективными, а потому не могут судить о своих настоящих интересах, не зная всех обстоятельств. Во время второй мировой войны было много случаев, когда противник, удерживающий в плену лиц, находящихся под защитой Конвенций, предлагал им на первый взгляд выгодное положение, которое, по сути, лишало их прав, гарантированных Конвенциями.

В. Принципы, относящиеся к жертвам конфликтов (Женевское право).

Первый принцип в этом разделе — принцип нейтральности:

Гуманитарная помощь никогда не является вмешательством в конфликт.

Женевская конвенция 1864 г. сформулировала концепцию огромной значимости, шедшую дальше просто защиты раненых. Это мысль том, что помощь, оказываемая даже

противнику, законна и не может быть признана нарушением нейтральности. Этот принцип воплощен в положениях, ставящих медицинский персонал выше конфликта. Сейчас имеются такие четкие положения, как, например, в параграфе 3 статьи 27 первой Конвенции 1949 г. о нейтральной помощи и в параграфе I статьи 64 Протокола I об организациях гражданской обороны нейтральных стран: «Ни при каких обстоятельствах эта деятельность не должна рассматриваться как вмешательство в конфликт». Еще более важной является статья 70 этого же Протокола об оказании помощи гражданскому населению воюющих стран, в которой утверждается, что предложения об оказании гуманитарной беспристрастной помощи «не рассматриваются как вмешательство в вооруженный конфликт или как недружественный акт».

Понятно, что принцип нейтральности очень важен для деятельности Красного Креста и существенно облегчает его работу по оказанию помощи.

Теперь давайте рассмотрим принципы применения.

1. В ответ на гарантированную ему неприкосновенность, медицинский персонал должен воздерживаться от любых враждебных действий.

Неприкосновенность, распространяющаяся на военный медперсонал и медперсонал Красного Креста, а также медицинские учреждения подразумевает, что медицинские работники должны воздерживаться от любого прямого или косвенного вмешательства в военные действия. Это оборотная сторона данного общего принципа.

Глобальное новшество появилось в 1977 г. Гражданским медицинским работникам была гарантирована такая же защита и на таких же условиях, что и военному медперсоналу. По документам 1949 г. только персонал гражданских больниц пользовался такой неприкосновенностью. В 1977 г. членам организаций гражданской обороны, выполняющим большую работу по защите населения, особенно от опасностей во время бомбардировок, также была гарантирована неприкосновенность при соблюдении определенных условий.

2. *Медицинские работники как целители находятся под защитой.*

Если врачам и медсестрам, даже на поле боя, предоставляются значительные привилегии, то это не ради них самих, а только потому, что они заботятся о жертвах. То есть, это жертвы имеют привилегии. Врачи и их помощники пользуются правом на защиту благодаря своему статусу целителей, и это наиболее весомый знак признательности, которую можно было бы им выразить.

Протокол 1977 г. значительно усилил защиту медицинских работников следующими положениями: «Оккупирующая держава не может требовать, чтобы при выполнении своих функций медперсонал отдавал предпочтение какому-либо лицу, кроме как по соображениям медицинского характера» (статья 15, параграф 3). «Лица, выполняющие медицинские функции, не могут принуждаться к совершению действий или выполнению работ в нарушение норм медицинской этики» (статья 16, параграф 2).

3. *Ни одно лицо, выполняющее медицинские функции, не может принуждаться к предоставлению кому бы то ни было какой либо информации относительно больных и раненых, которые находились или находятся на его попечении, если такая информация, по его мнению, причинит вред указанным пациентам или их семьям.*

Такова суть статьи 16, параграфа 3, Протокола I по деликатному и долго обсуждавшемуся вопросу о недонесении. Протокол II содержит подобное положение (статья 10, параграф 4). К сожалению, Дипломатическая конференция снабдила обе эти статьи ограничениями, связанными с национальным законодательством, лишив их тем самым значительной силы. Тем не менее, остается их ценность в утверждении принципа.

4. *Никто не должен подвергаться преследованию или быть осужденным за то, что он ухаживал за ранеными или больными.*

Такова суть статьи 18, параграфа 3, первой Женевской конвенции 1949 г. Эта статья дала решение множеству сложных ситуаций, возникших во время и сразу после второй мировой войны во многих странах, физически и

морально опустошенных войной. Людей убивали, сажали в тюрьмы, преследовали в судебном порядке за то, что они ухаживали за ранеными партизанами и парашютистами или просто за то, что они сотрудничали с официальной медицинской службой или с Обществом Красного Креста оккупирующей державы. Все эти меры противоречили духу Женевских конвенций и принципу нейтралитета.

Эта концепция была подтверждена и расширена в 1977 г.: «Ни при каких обстоятельствах ни одно лицо не может быть подвергнуто наказанию за выполнение им медицинских функций, совместимых с медицинской этикой, независимо от того в интересах какого лица выполняются эти функции» (Протокол I, статья 16, параграф 1), и «никто не может подвергаться гонениям, преследованию, осуждению или наказанию за такие гуманные действия» (Протокол I, статья 17, параграф 1).

За принципом нейтралитета следует принцип нормальности:

У лиц, находящихся под защитой, должна быть возможность вести как можно более нормальную жизнь.

Эта мысль возникла из необходимости компромисса между гуманитарными стремлениями и условиями, диктуемыми войной. Из нее исходит и принцип применения:

Захват в плен не является наказанием, а лишь средством лишить противника возможности наносить ущерб. Все, что выходит за рамки этой цели, бесполезно и достойно осуждения.

Военнопленные — это не рабы. Плен не является позором и не влечет за собой ограничение правоспособности. Поэтому пленных необходимо освободить и репатриировать, как только исчезает необходимость их дальнейшего содержания в плену, то есть как только прекращаются активные военные действия.

Третий принцип — принцип защиты:

Государство должно как на национальном, так и на международном уровне обеспечить защиту лиц, оказавшихся в его власти.

Принципы применения этого постулата таковы:

1. *Пленный находится во власти не войск, захвативших его, а государства, которому служат эти войска.*
2. *Государство несет ответственность за лиц, захваченных им в плен, а на оккупированной территории — за поддержание общественного порядка и общественных служб.*
3. *Жертвы конфликтов должны быть обеспечены международной защитой, так как они лишены естественной защиты.*

Первые два принципа очевидны. Что касается третьего, то под естественной защитой подразумевается государство, подданным которого является данное лицо; а под международной защитой — защита Державы-покровительницы или МККК, который берет на себя нейтральный контроль за соблюдением Женевских конвенций. Военнопленные и интернированные гражданские лица могут обращаться с жалобами к этим контролирующим органам, которые посылают своих делегатов в лагерь для бесед с задержанными без свидетелей.

Г. Принципы, относящиеся к праву войны.

Деятельность в этой важной области была фактически приостановлена с 1907 г. Когда в 1966 г. была предпринята попытка определения всех принципов гуманитарного права, в этой области оказалось возможным лишь попытаться установить обычные правила, зачастую нечеткие и устаревшие. С 1977 г., однако, мы имеем свод законов, заслуживающих этого названия, которые заполнили существующий вакуум, особенно в отношении защиты гражданского населения от нападений с воздуха.

Недавняя кодификация в основном подтвердила принципы, выдвинутые в 1966 г. Она, кроме того, развила и дополнила их, внося новые идеи.

Из основополагающего принципа права войны, уже сформулированного ранее, следуют три других общих принципа. Первый — принцип ограничения по лицам (лат. «*ratione personae*»):

Гражданское население и отдельные гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями.

Право войны основано на строгом различии между комбатантами и некомбатантами. В то время как первые, по своему характеру, являются объектами войны, вторые не должны быть вовлечены в военные действия и, по сути, даже не имеют права принимать в них участие. Такая общая неприкосновенность гражданского населения вытекает из обычного права и общих принципов, но не была четко сформулирована в позитивном праве. Теперь же это было достигнуто. Цитата, приведенная выше, была слово в слово взята из статьи 51, параграфа 1 Дополнительного протокола I 1977 г.

Из этого общего принципа следуют несколько принципов применения:

1. *Стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, чтобы щадить гражданское население и гражданские объекты.*

Это основное правило, которое, наконец, обеспечило гражданскому населению эффективную правовую защиту, особенно от нападений с воздуха, основано на таком разделении и составляет суть статьи 48 Протокола.

2. *Гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений... (даже) в порядке репрессалий.*

Этот текст взят из статьи 51 Протокола, параграфы 2 и 6. Самое главное новшество заключается в абсолютном запрещении репрессалий против гражданского населения, даже путем нападений с воздуха.

3. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население.

В 1966 г. было предложено запретить бомбардировки гражданского населения как таковые, особенно с целью терроризирования его. Цитируемая фраза в точности взята из параграфа 2, статьи 51 Протокола 1977 г.

4. Стороны, находящиеся в конфликте, принимают все возможные меры предосторожности, чтобы щадить гражданское население или, по крайней мере, по возможности избежать случайных потерь среди гражданского населения и случайного ущерба.

В подробной главе о мерах предосторожности (статьи 57 и 58) Протокол уделяет большое внимание защите гражданского населения и гражданских объектов.

Совершенно очевидно, что гражданское население, находясь в непосредственной близости к театру военных действий и военным объектам, подвергается определенному риску. Однако, как сказал Витториа, если убивают невинных, пусть это всегда происходит случайно и никогда намеренно.

5. Только лица, входящие в состав вооруженных сил, имеют право нападать на противника и оказывать ему сопротивление.

Это естественное следствие из общего правила, которое гласит, что эти государства ведут войну для достижения своих политических целей, а не граждане. Если некомбатантов необходимо щадить, то это потому, что они не участвуют в конфликте.

Это правило является обычным. Так же как и право на санкции против партизан. В статье 43, параграфе 2 Протокола содержится *a contrario* ссылка на это.

Но есть оговорка для исключительного случая — спонтанного массового выступления населения против захватчиков, при котором население рассматривается как воюющая сторона, если гражданские лица открыто носят оружие и следуют законам и обычаям военного времени.

Второй общий принцип — это принцип ограничения по объектам (лат. *ratione loci*):

Нападения должны быть строго ограничены военными объектами.

Протокол полностью подтвердил обычное правило, выдвинутое в 1966 г., и дополнил его детальным определением военных объектов, каковыми являются только «те объекты, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия, и полное или частичное разрушение, захват и нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество» (статья 52, параграф 2).

Можно назвать 6 принципов применения:

1. Запрещается нападение на необороняемые местности.

Это соотносится со статьей 25 Гаагского положения, которая была ранее главным столпом права обычной войны. Если населенный пункт не оказывает сопротивления противнику, и противник может захватить его без единого выстрела, он не должен подвергать данный населенный пункт ненужной опасности и разрушениям. Это старый обычай — объявить города, не представляющие военной опасности, «открытыми».

Протокол в статье 59, параграфе 1 последовал за Гаагским положением, добавив ряд правил о защите необороняемых местностей и демилитаризованных зон.

2. Запрещается совершать какие-либо враждебные акты, направленные против зданий, где проводятся научные исследования или расположены благотворительные учреждения, и тех исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов.

Это запрещение в статье 53 Протокола частично исходит из статьи 27 Гаагского положения, а частично — из Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей, заключенной под эгидой ЮНЕСКО. Поскольку эта Конвенция не была всеобщей, на Дипломатической конференции 1974—1977 гг. было решено, что необходимо включить ее главные тезисы в Протокол.

Охрана военных и гражданских госпиталей явилась предметом специальных положений первой и четвертой Женевских конвенций 1949 г.

3. *Запрещается нападение на установки и сооружения, если оно может вызвать высвобождение опасных для гражданского населения сил.*

Главным образом, это относится к дамбам, плотинам и атомным электростанциям.

В этом отношении мы обязаны Дипломатической конференции исключительно важным нововведением: на ней было признано, что закон должен приспосабливаться к открытиям науки. Статья 56 Протокола, в которой утверждается этот принцип, также содержит детальные положения и оговаривает определенные ограничения на защиту, если установки используются в военных целях.

4. *Гражданское население не должно использоваться для защиты военных объектов от нападения.*

Это было еще одним нововведением. В этом случае юридическое положение относится не только к противнику, но и, главным образом, к правительству той страны, о населении которой идет речь. Протокол требует от противника уважения к гражданскому населению; но вторая воюющая сторона не должна бесчестным образом злоупотреблять этой защитой и подвергать опасности свое собственное население.

Каким бы исключительным ни было данное положение, в истории гуманитарного права можно найти его предшественников. Это шаг, предпринятый в интересах гражданского населения и полностью оправдавший себя. Он отражает современную тенденцию, когда предоставляются индивидуальные права людям, даже в их отношениях с собственным правительством.

Приведенное выше правило является значительным сокращением статьи 51, параграфа 7 Протокола.

5. *Гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий. Запрещается уничтожать или вывозить объекты, необходимые для выживания гражданского населения.*

Дипломатическая конференция 1974 г. сделала большой шаг вперед, распространив защиту на «гражданские объекты», которые определила как «все те объекты, которые не являются военными объектами». Первое предложение из приведенного выше принципа слово в слово взято из статьи 52, параграфа 1 Протокола. Особенно важно запрещение репрессалий.

Второе предложение взято из статьи 54, параграфа 2. Здесь Дипломатическая конференция выдвинула новую интересную идею — выживание населения. Мы опять встречаем ее в статье 55, параграфе 1. Вооруженный конфликт всегда влечет за собой более или менее существенные жертвы для населения, но они в любом случае не должны угрожать его выживанию. В статье 54, параграфе 2 содержится ряд примеров.

6. *Запрет грабежей.*

Этот принцип особо выделен в статьях 28 и 47 Гаагского положения и статье 33, параграфе 2 четвертой Конвенции. Он полностью подтвержден в Протоколе.

Теперь мы подходим к принципу ограничения по средствам и методам ведения военных действий (лат. *ratione conditionis*):

Запрещается использовать против кого бы то ни было оружие или методы ведения военных действий, способные причинить излишний вред или чрезмерные страдания.

Это принцип другого плана. Он подразумевает не просто защиту людей, не принимающих участие в военных действиях, но и возможность для самих комбатантов избежать больших потерь и страданий, чем это необходимо, для того чтобы вывести их из боевых действий.

Эта идея появилась еще в Гаагском положении, где говорится о «чрезмерных страданиях» (статья 23, е).³

Протокол I содержит аналогичное положение в статье 35, параграфе 2.

³ В 1899 г. использовался термин «излишний ущерб»

Проблема в том, чтобы определить предел. Какие потери «необходимы»? Какой вред является «излишним»? Какие страдания «чрезмерны»? Для каждого вида оружия необходимо уравнивать достижение военного преимущества с одной стороны и гуманитарные соображения с другой. Если возможно обезвредить солдата, захватив его в плен, не надо наносить ему ранений; если той же цели можно достичь, ранив его, не нужно его убивать. Если существуют два средства достижения какого-либо военного преимущества, нужно выбрать то, которое причинит меньше вреда. В целом, смысл данного правила сводится к осуждению оружия и методов, вызывающих страдания сверх необходимого предела.

Гаагские конвенции и Санкт-Петербургская декларация 1868 г. запретили использование определенных видов оружия как особенно жестоких, например, зазубренных или отравленных снарядов и разрывных пуль (пуль «дум-дум»), которые разрываются в теле.

Конвенция, принятая на Конференции ООН в 1980 г., в своем Протоколе I запретила применение снарядов, осколки которых не могут быть обнаружены в теле человека с помощью рентгеновских лучей. В Протоколе II к этой Конвенции осуждено использование приспособлений для нанесения излишнего ущерба и чрезмерных страданий, особенно мин-ловушек, маскирующихся под безобидные предметы. А самое главное, Протокол III ввел запрещение и ограничение на использование боевых зажигательных средств. Запрещается их использовать в воздушных налетах даже против военных целей, расположенных в местах концентрации гражданского населения.

Вышеназванный принцип привел не только к запрещению излишне жестоких видов оружия, но и оружия неизбирательного действия и методов ведения тотальной войны.

Принципы его применения следующие:

1. Запрещаются нападения неизбирательного характера.

Этот запрет, содержащийся в статье 51, параграфе 4 Протокола 1977 г., дополнен детальным определением нападений, которые под него подпадают.

Цель его — в исключении тех методов и видов вооружений, которые не обладают достаточной точностью для проведения необходимого различия между военными объектами и гражданским населением и объектами, а также тех, чье воздействие не может быть ограничено во времени и пространстве. О некоторых из этих видов вооружений уже говорилось в Гаагских конвенциях и Женевском протоколе 1925 г., в частности, о плавающих минах, а главное — удушающих газах и бактериологическом оружии.

2. Запрещены нападения, которые, как можно ожидать, вызовут потери среди гражданского населения или нанесут ущерб гражданским объектам, которые были бы чрезмерными по отношению к тому конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается получить.

Этот принцип, в котором подчеркивается мысль о соразмерности, нашел отражение в главе о мерах предосторожности в Протоколе 1977 г., статья 57, параграф 2а, III.

Конвенция 1980 г., запрещающая или ограничивающая применение определенных видов обычных вооружений, содержит аналогичное положение о запрете на использование такого оружия, которое может вызвать случайные потери среди гражданского населения или нанести случайный ущерб гражданским объектам, который будет «чрезмерным по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается достичь». Это, прежде всего, касается наземных мин, установленных вне зон военных действий.

3. При ведении военных действий должна проявляться забота о защите природной среды.

Недостаточно просто осудить оружие неизбирательного действия; обычные виды вооружения могут быть использованы таким образом, который не менее опасен для населения. Недостаточно и запретить применение оружия, считающегося особенно жестоким. Не менее важно запретить методы тотальной войны, что и было сделано на Дипломатической конференции 1974—1977 гг.

Соответственно, в статью 55 Протокола вошла современная концепция охраны окружающей среды:

— При ведении военных действий проявляется забота о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба. Такая защита включает запрещение использования методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде и тем самым нанесут ущерб здоровью или выживанию населения.

Конвенция 1980 г. категорически запретила применение боевых зажигательных средств против лесов и других зеленых насаждений.

4. Запрещается использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения войны.

Эта новая и важная мысль, которую мы охарактеризовали как один из принципов применения, отражена в лаконичном параграфе 1 статьи 54 Протокола. Вспоминая войны прошлого, нельзя не согласиться, что это поистине триумф гуманизма.

Эта же Статья обеспечивает защиту сельскохозяйственных районов, посевов, скота и т.д.

5. Запрещаются военные действия, основанные на вероломстве.

Еще со времен рыцарства право войны требовало от комбатантов честности. Это не исключает возможности прибегнуть к военным хитростям, но вероломство запрещается.

В Протоколе большая 37-я статья посвящена вероломству и содержит ряд ценных определений. Как мы уже отметили, Конвенция 1980 г. особо осудила применение мин-ловушек, маскирующихся под внешне безобидные предметы.

IV. ПРИРОДА ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.

1. Право и война.

Нравится нам это или нет, но война дает выход одному из самых мощных человеческих инстинктов, и можно утверждать, что на протяжении длительного времени война была важнейшей формой отношений между народами. Действительно, статистика показывает, что за последние 5000 лет было около 14 000 войн, в которых погибло примерно 5000 миллионов человек. За последние 3400 лет на земле было лишь 250 лет всеобщего мира.

Первая мировая война повлекла за собой 10 миллионов смертей в пропорции 20 комбатантов на одно гражданское лицо — не считая 21 миллиона погибших от эпидемий. Во второй мировой войне было убито 40 миллионов человек, приблизительно в равном соотношении комбатантов и гражданских лиц. Между 1945 и 1966 гг. произошло не менее 73 вооруженных конфликтов. В настоящее время, если верить экспертам, соотношение убитых будет 10 гражданских лиц на одного комбатанта в так называемой обычной войне и 100 гражданских лиц на одного комбатанта в ядерной войне.

Между 1900 и 1941 гг. из 24 вооруженных конфликтов 19 были международными и только 5 внутренними. Затем это соотношение изменилось. Из 97 вооруженных конфликтов, происшедших между 1945 и 1969 гг. только 15 были международными, 26 — внутренними, а 56 носили смешанный характер или были войнами за независимость.

Должен ли Красный Крест прийти в отчаяние перед лицом этой организованной бойни? Может ли он и дальше смотреть, как молодые люди гибнут на пропитанных кровью полях сражений? Вряд ли кто-то может сильнее ненавидеть войну и причиняемые ею страдания, чем Красный Крест. Его идеалы охватывают все человечество, включая комбатантов. Однако, будучи не в силах уничтожить это зло,

приносящее такое опустошение, он стремится, по крайней мере, сделать все возможное для защиты наиболее важных заповедей гуманизма ради тех, у кого нет сил или желания сражаться. Среди ужасных бедствий Красный Крест стремится спасти то, что еще можно спасти, и предотвратить применение жестоких и чрезмерно смертоносных видов вооружений даже против солдат.

а) Самый важный вопрос, стоящий перед нами: возможно ли уменьшить бедствия, причиняемые войной? Кант так сказал об этом: «Право наций в ходе военных действий — это самая деликатная проблема, какую только можно себе представить. Как можно устанавливать законы для управления ситуацией, которая по самой природе своей не допускает никаких законов?» Некоторые авторы идут еще дальше, утверждая, что существует изначальная несовместимость между войной и законом. Они рассуждают следующим образом: война по определению есть разрушение порядка и высвобождение силы; она находится в прямом противоречии с законом, целью которого является установление порядка и ограничение силы. То есть, для них война — это вытеснение закона силой. Например, сэр Джон Фишер, Первый Лорд Адмиралтейства Великобритании и создатель линкора «Дредноут», так прокомментировал в 1907 г. созыв Гаагской конференции: «Облагораживать войну — все равно что облагораживать преисподнюю!»

Такая максималистская теория чрезвычайно опасна, но можно ее обезвредить, если распознать пропитавшую ее софистику и трезво обдумать проблему. Например, если можно разбить противника путем применения определенной степени насилия, то нет причин для продолжения насилия, когда цель уже достигнута. Если противник обезврежен захватом в плен или ранением, он более не играет никакой роли в военных операциях и не оказывает влияния на исход сражения, убить его или причинить страдания было бы абсурдом и преступлением. Можно допустить, что противники превратятся в комбатантов, — но не в бандитов! Признание такого положения вещей, совершенно очевидно, отвечает интересам обеих сторон.

Война — это, конечно, обращение к силе, но к силе, имеющей пределы. Война не рвет все узы, соединяющие народы; она не может и не должна пытаться покончить со всеми духовными и материальными достижениями цивилизации, завоеванными с таким трудом. Помимо и выше насилия все же существуют права и обязанности. Они и составляют законы войны, являющиеся продуктом разума и глубоких гуманных чувств, которые должны уважаться всеми людьми и во все времена. Эти законы возникают так же, как и законы государства. Сначала это просто обычаи. Потом они становятся общим правилом. Наконец, они приобретают вид писаного права. Уже давно, и во всяком случае в 1864 г., была доказана возможность сосуществования закона и состояния войны.

Гераклит Эфесский давно заметил, что война — мать законов людских; она порождает богов, хозяев и рабов. Сегодня мы вынуждены признать его правоту. Если война действительно дала начало международному праву, которое в соединении с духом милосердия уже смягчило ее ужасы, ограничило ее разрушительную силу, то оно войну когда-нибудь и уничтожит.

б) Второй вопрос, стоящий перед нами: а *желательно* ли смягчение ужасов войны? Некоторые авторы настаивают на том, что самые жестокие войны были, на самом деле, наиболее гуманными, так как быстрее заканчивались. Поэтому не надо думать об их «гуманизации», чтобы не продлевать их. Наиболее известным из этих мыслителей был Клаузевиц, который писал в начале прошлого столетия: «В таком опасном деле, как война, самые пагубные ошибки происходят от добросердечия».

С тех пор наша планета пережила две мировые войны, самые ужасные и долгие в современную эпоху, и теория Клаузевица уже никого не введет в заблуждение. Мы поняли, что самые разрушительные методы, например, стирание бомбежками с лица земли целых городов или медленная смерть миллионов людей в концлагерях не прекращает войну, а порождает толпы отчаявшихся людей, не думающих ни о чем, кроме мести, даже ценой собственной жизни.

Кроме того, можно отметить, что идея «гуманизации» войны обманчива и несет часть ответственности за скептицизм, на который часто наталкиваются усилия, предпринимаемые в этом плане. Эта путаница может быть проиллюстрирована комментарием Адмирала Фишера, приведенным выше. Действительно, невозможно серьезно говорить о «гуманизации» войны, если она всегда сопровождается самым ужасным насилием, какое только можно себе представить. Поэтому более правильно будет говорить об «ограничении бедствий, вызываемых войной».

в) Третий вопрос таков: не идут ли усилия, направленные на уменьшение зла, причиняемого войной, вразрез с усилиями, направленными на запрещение войны? Перед основателями Красного Креста этот вопрос стоял с самого начала и повторяется каждый раз сейчас, когда выдвигаются предложения о новых гуманитарных законах. Нам все время говорят, что было бы лучше сделать войну невозможной. Считается, видимо, что гуманитарное право как бы «признает» войну и считает ее неизбежной; что уменьшая ее бедствия, мы делаем ее менее заслуживающей ненависти. С тех пор как война была официально объявлена «вне закона», эти доводы обрели новую силу.

Очевидно, что такой ход рассуждений абсурден, но критики так настойчиво к нему возвращаются, что мы должны хотя бы несколько слов уделить его опровержению.

Прежде всего, можно заявить, что основание Красного Креста и заключение первой Женевской конвенции нанесли сильнейшие удары по войне. Это достаточно подробно было показано выше.

Действительно, развитие гуманитарного права предполагает возможность войн. Да и кто же всерьез полагает, что войны невозможны? Несмотря на то, что международное сообщество осудило войну, это не означает, как мы уже видели, что войн больше не будет. Не делая попытки предсказывать новые трагедии, необходимо признать, что проблемы безопасности и вооружений тяжким грузом висят на международных отношениях. Не ослабевают усилия, направленные на совершенствование техники

ведения военных действий. Нам обещают появление оружия все более разрушительной силы, как будто термоядерной бомбы недостаточно.

Как только все государства сложат оружие и уничтожат его и наложат запрет на его дальнейшее производство, Красный Крест сможет заниматься исключительно вопросами социального обеспечения, и мы сможем разорвать все гуманитарные конвенции. Но сейчас, когда правительства содержат огромные армии, пусть даже в целях обороны, и тем самым показывают, что они не верят в невозможность войны, люди, посвятившие себя делу смягчения бедствий, вызываемых войной, не могут уклониться от своего долга по работе над принятием новых защитных документов, пока есть время. Эти усилия не должны зависеть от степени вероятности конфликта в данный момент; они должны быть рассчитаны на худшую из возможностей, какой бы невероятной она ни казалась. Даже если есть хотя бы один шанс на тысячу, мы должны быть к нему готовы.

Конечно, мы должны бороться против войны, и это особая задача, возложенная на ООН. Но в то же время мы должны делать все необходимое, чтобы ограничить причиняемые ею бедствия, если она все-таки разразится. Пока запрет на войну не станет эффективным, война должна регулироваться законами. Абсолютно логично смягчить зло, пока мы не можем его предотвратить. Все признают необходимость иметь эффективные пожарные команды — и это не означает, что мы любим пожары и защищаем поджигателей.

В годы второй мировой войны мы были свидетелями бедствий, происходящих из-за отсутствия Конвенции о защите гражданского населения, бедствий, характеризовавшихся истреблением миллионов людей. Сторонники теорий, которые мы не приемлем, размахивавшие мирными знаменами, взяли на себя тяжелую ответственность в 1929 г., когда отговорили правительства от принятия статуса гражданского населения наряду со статусом военного персонала. Кто-нибудь может сегодня утверждать, что принятие четвертой Женевской конвенции в 1949 г. было ошибкой?

г) Четвертый вопрос: до недавнего времени государства имели право начинать войну соответственно с требованиями их политики и принять такое решение было полностью в их власти. Ситуация стала меняться с принятием Пакта об учреждении Лиги Наций в 1920 г. и Пакта Бриана — Келлога в 1928. Идя до конца той же дорогой, Устав ООН последовательно запретил войну и любой вид насилия. На Совет Безопасности, однако, были возложены функции применения мер принуждения против государства-агрессора. На сегодняшний день существуют только три вида незапрещенных конфликтов: акции, предпринимаемые ООН по восстановлению мира; операции по законной самообороне и внутренние конфликты, не находящиеся под юрисдикцией ООН.

Безусловно, мы можем с удовлетворением приветствовать объявление войны «вне закона», но не стоит забывать о цене такого успеха. Как только война была объявлена «вне закона», никто не захотел брать на себя ответственность за объявление войны. Войны шли точно так же, как и раньше, но ни одна из воюющих сторон не хотела признать, что ведет войну. Вполне естественно, что государства не были склонны руководствоваться правом вооруженных конфликтов, раз они отрицали свое участие в этих конфликтах.

Еще одним последствием запрещения войны стало неожиданное воскрешение древнего мифа о справедливой войне, причинившего столько бед в прошлом и, как предполагалось, исчезнувшего навсегда в XIX веке. Сегодня война считается справедливой, если отвечает трем условиям, перечисленным выше, и несправедливой, если противоречит принципам Устава. Апологеты основных политических идеологий нашего времени с готовностью взяли на вооружение средневековую выдумку.

Право вооруженных конфликтов, наоборот, в первую очередь предполагает определенное уважение к противнику. Во-вторых, оно рассматривает саму войну только как средство, возможно и неадекватное, решения проблемы. И, наконец, оно исходит из того, что цель войны — достижение

мира. Однако, как только мы начинаем думать, что цель войны — наказание преступника, все средства становятся хороши, поскольку с преступниками не церемонятся.

С тех пор как ООН приняла определение агрессии, постепенно стал оживать миф о справедливой войне. Это стало очевидным на открытии Дипломатической конференции, созванной в 1974 г. для дополнения Женевских конвенций, когда из развалин Средневековья появилось это странное привидение, и на какое-то время показалось, что сама цель Конференции подвергается опасности. Среди дипломатов были такие, которые требовали, чтобы гуманитарное право относилось только к жертвам агрессии, но не к агрессорам. Опасность такой точки зрения очевидна; в таком случае было бы достаточно лишь объявить противника агрессором, чтобы лишиться его армию и гражданское население всех преимуществ, предоставляемых Конвенциями. В конце концов, все волшебное здание гуманитарного права оказалось бы в опасности.

Были оживленные дебаты по этому вопросу, и члены других делегаций настаивали, чтобы в Протоколах было записано, что они одинаково применимы к обеим сторонам. Так и было сделано, и этого оказалось достаточно, чтобы отправить призрак назад, в забвение, из которого он возник. Тем, кто вызвал его, пришлось удовлетвориться утверждением в преамбуле, что ничто в Протоколах и Женевских конвенциях не может быть истолковано как узаконивание или поощрение агрессии, и что право будет действовать независимо от характера или причины возникновения конфликта.

Однако опасность была реальной, и было бы ошибкой полагать, что проблема решена навсегда. Окончательное решение можно было бы найти в четко установленном Квинси Райтом в 1942 г. различии между правом прибегнуть к войне (лат. *jus ad bellum*), которое определяет обстоятельства, при которых разрешается прибегать к оружию и применять санкции против агрессора, и правом войны (лат. *jus in bello*), установившем условия ведения войны и одинаково применимое ко всем жертвам. Различие это очень важно и должно проводиться при любых

обстоятельствах. И если разжигание войны — преступление, то разжигание войны и игнорирование гуманитарного права — двойное преступление.

д) Пятый вопрос: гуманитарное право — часть права войны. Поскольку война угрожает самому существованию государств, все силы которых напряжены до предела во время тотальных конфликтов, положения гуманитарного права подвергаются большому риску нарушения, чем любые другие нормы.

Необходимо признать, что трудно следовать идеалу гуманитарного права, поскольку это требует от индивида действий, противоречащих его природному инстинкту, который побуждает его ненавидеть врага; ему нужно подавить естественно возникающие чувства. Из-за таких трений между человеческими чувствами и гуманитарным правом идеал часто неправильно понимается или даже с возмущением отвергается.

Конфликт — это время параксизмов и кризисов. Сражающийся солдат — это не человек в его обычном состоянии. Рядом с ним погибли несколько его товарищей, другие ранены и умирают. В любой момент может начаться неожиданная атака. Может быть, он идет прямо в засаду. Он боится всех, кого не знает, и никому не доверяет. Все его существо готово к обороне и возмездию, т.е. к насилию. Более того, во время военных действий кажется, что человеческая жизнь не представляет большой ценности. Трудно ожидать, что при таких обстоятельствах солдат всегда будет вести себя разумно и сдержанно.

Нам необходимо осознать, что нормы гуманитарного права не всегда соблюдаются, и даже никогда не соблюдаются полностью. В какой-то степени этому мы и обязаны определенным недоверием, с которым эти нормы иногда встречаются. Это, однако, справедливо не только для международного права, но и для всех отраслей права. Лучшим свидетельством того является факт создания таких мощных институтов, как полиция и суд, существующих только из-за того, что всегда есть вероятность нарушения закона.

Мы должны также считаться с тем, что люди и те, на ком лежит ответственность за умонастроения в обществе, жаждут сенсаций и выискивают то, что плохо, а не то, что хорошо. Если обстреляли машину «скорой помощи», об этом все узнают на следующее утро. А если с тысячами военнопленных обращаются в соответствии с законом, и они месяцы и годы ведут нормальную жизнь, почти никто не говорит об этом, потому что это не зрелищно. Это кажется слишком естественным. Молчание — это одобрение масс.

е) Шестой вопрос: война мешает правосудию.

Законы войны являются в большей степени запрещениями, чем разрешениями. Было бы невозможно перечислить все разрешенные действия: их слишком много и они слишком общего характера. Соответственно, есть принцип права войны, который никогда не был записан, но который подразумевается: что не запрещено, то разрешено. Поэтому напрасно искать утверждение, что разрешается убивать, ранить или брать в плен противника в военной форме, уничтожать сооружения и установки, служащие целям национальной обороны и т.д.

Как утверждает Жак Морейон, тот, кто убивает в мирное время, может быть приговорен к смерти или к пожизненному заключению; того, кто убивает на войне, награждают под звуки оркестра. Возможность убивать, наносить увечья, брать в плен людей и уничтожать собственность находится в вопиющем противоречии с обыкновенным уголовным правом, которое запрещает эти действия и карает за них. Война же превращает эти преступления в узаконенные формы поведения и временно прекращает действие уголовного права.

Вскользь можно отметить, что то, что справедливо для международных конфликтов, необязательно будет справедливо для гражданских войн или внутренних беспорядков. В этих случаях правительства часто берут на вооружение уголовное право для подавления восстаний. Действительно, такие действия находятся в ведении уголовного права, предусматривающего за них суровое наказание. Тем не менее, чаще всего бунтовщиков судят за

попытку свержения правительства, другими словами, за измену — преступление, влекущее самое суровое наказание, делаю необязательным обращение к специальным законам.

Именно во время конфликтов происходят многочисленные и самые серьезные нарушения закона, и именно в это время больше всего преступлений остаются безнаказанными. Женевские конвенции предусматривают применение санкций против тех, кто грубо их нарушает, но национальные законодательства не достаточно поддерживают Конвенции. Тем не менее, было бы ошибкой утверждать, что недостаточность санкций делает закон менее обязательным; закон не становится обязательным от того, что предусматривает санкции, напротив, он предусматривает санкции в силу своей обязательности.

Есть несколько причин относительной безнаказанности нарушителей. Одна из них — уже приведенное выше «оправдание». Незаконные действия теряются в массе «узаконенных». Другими словами, запрещенное насилие укрывается за разрешенным насилием.

К тому же взгляды, высказанные, и приговоры, вынесенные в атмосфере ненависти и крайнего напряжения, возникшей в результате военных действий, могут быть расценены противником как ужасающе несправедливые, даже если они вполне адекватны, и это может послужить причиной репрессалий.

Кроме того, комбатанты могут надеяться или даже чувствовать уверенность в конечной победе и поэтому рассчитывают избежать наказания за лобные свои поступки.

Более того, государства часто не испытывают стремления к борьбе с нарушениями, совершаемыми их войсками, из страха ослабить их боеспособность. Они вряд ли хотят, чтобы их генералов или министров привлекли к суду по обвинению в уголовных преступлениях. Таким образом, складывается тенденция представить военные преступления — ужаснейшие нарушения законов и обычаев войны — как следствие излишнего усердия в благородном стремлении, а не как нарушение священных прав человечества.

Когда война закончится, все будет забыто в эйфории победы, и никто не захочет наказывать завоевавших эту победу. Победенные будут рассуждать по-другому, и у них

хватит смелости наказать виновников поражения. Стоит вспомнить, что Уинстон Черчилль определил военные преступления как преступления, которые совершаются побежденными, а наказания за которые выносят победители.

2. Право и государство.

Гуманитарное право — это право, которое разрабатывается и применяется государствами. Однако, в отношениях с другими государствами государство, — которое Нидше назвал «холодным монстром», — защищает интересы своих собственных подданных и ему нет равных по части коллективного эгоизма, этого мощного инструмента достижения сиюминутных преимуществ для своего народа. А если покажется, что государственный деятель уделяет слишком много внимания проблемам другой страны, его тут же обвинят в измене. Это поистине типичная трагедия в области международных отношений и проблема крупных межправительственных организаций.

Гуманитарное право, как видно из его названия, основано на гуманизме. Однако, только создание из плоти и крови может быть гуманным. Государство же — это абстрактное понятие, что-то вроде робота. Зачастую притворяясь, что обладает атрибутами гуманизма, всегда готовое на словах высказывать свою приверженность справедливости и другим благородным чувствам, государство являет собой живой образец лицемерия на службе у эгоизма.¹

Соответственно, международное право — это прежде всего материальный продукт различных имеющих и не имеющих точки соприкосновения интересов его субъектов, то есть государств. Однако, люди, стоящие у власти в государстве, — часто под давлением общественного мнения, играющего огромную роль в наше время, — могут оказывать положительное влияние и на развитие международного права, и на его применение. К этому же стремятся различные филантропические институты, способствующие распространению идеалов справедливости и милосердия в

¹ Walter Schätzel, *Humanität und Völkerrecht*, 1958

мире, даже в очагах насилия, и внедрению в международное право некоторых элементов гуманизма в интересах индивидуума.

Эту задачу, которой Красный Крест предан с момента своего основания более столетия назад, можно решить только благодаря терпеливой настойчивости, не пытаясь достичь всего сразу. Положения, не учитывающие реальной ситуации, являющиеся продуктом расплывчатого и путанного гуманизма, либо не будут приняты, либо не будут выполняться. И в том, и в другом случае они ничего не достигнут.

Однако есть способы преодолеть такое положение вещей.

а) Во-первых, статьи гуманитарного права обязательны для соблюдения (*ius cogens*), ими нельзя пренебрегать. Так, Венская конвенция о праве договоров от 25 мая 1969 г. впервые дает определение обязательной нормы в статье 53: «норма, принятая и признаваемая в целом международным сообществом государств, которой нельзя пренебречь, и которая может быть изменена только через последующую норму общего международного права аналогичного характера», а в статье 60 отмечает, что «положения договоров гуманитарного характера, касающиеся защиты человека», являются обязательными.

Для уклонения от соблюдения гуманитарного права часто ссылаются на «военную необходимость». Генерал Эйзенхауэр — командующий объединенными силами союзников в Европе во второй мировой войне, сказал в обращении к войскам накануне Рождества: «Я бы не хотел, чтобы необходимость и равнодушие прикрывались термином «военная необходимость»; его часто используют тогда, когда точнее было бы сказать «военное удобство» или даже «личное удобство».²

Необходимо подчеркнуть, что ни одно положение права войны ни прямо, ни косвенно не дает приоритета военной необходимости — иначе право войны не могло бы

существовать! При этом есть статьи, предусматривающие исключения «в случаях настоящей военной необходимости» и содержащие другие подобные оговорки. Это касается случаев, когда государства не хотят безусловно связывать себя обязательствами. Надо заметить, что такие формулировки опасны из-за своей эластичности, а главное, потому что они могут трактоваться субъективно и зависят от взглядов командующих. В будущем надо стараться исключить все эти двусмысленные положения, предоставляющие лазейки.

Вообще, в каждом праве подразумевается, что никто не обязан делать невозможное. Это положение остается неписанным, так как если его признать открыто, риск злоупотреблений и тенденциозного толкования был бы слишком велик. Необходимо говорить об этом понятным языком и быть осторожным в выборе слов. Так, если мы говорим «невозможно», мы имеем в виду исключительно материальную невозможность. Говоря проще, если какая-либо сторона нарушает Конвенцию, ее дело доказать, что она не может этого не сделать. Очевидно, что нарушение должно прекратиться немедленно, как только ситуация улучшится, даже незначительно.

Приведем пример. Если военное формирование полностью изолировано на большой территории в сложных климатических условиях и лишено коммуникаций, оно не может обеспечить своим пленным все условия, предусмотренные в Конвенциях, предполагающих нормальные условия. Однако, если оно не может обеспечить пленным удовлетворение насущных потребностей, особенно в еде, оно должно освободить их. В таком случае пленные должны быть в состоянии добраться до дружественных войск или третьих стран. Были случаи подобных освобождений в пустынях или на ледовых равнинах, которые означали просто смертный приговор для пленных. Как поступать, если освобождение невозможно? Все имеющиеся запасы должны быть тогда поровну поделены между пленными и теми, кто захватил их в плен.

Понятно, что в таких обстоятельствах любое решение будет неоднозначным. Когда государство утверждает, что оно не в состоянии выполнить свои обязательства, противник,

² Frédéric de Mulinen, *The Law of War and Armed Forces*, International Review of the Red Cross, January/February, 1978.

весьма вероятно, заявит, что дело не в невозможности, а в злонамеренности или халатности.

Так существует ли выход? Есть. И искать его надо в тщательном контроле нейтральной стороной, о котором говорится в Женевских конвенциях. Державы-покровительницы или МККК в таком случае сделают объективную оценку ситуации и дадут заключение относительно того, можно ли что-либо еще предпринять, или все возможное уже сделано.

Подводя итог, надо сказать, что обращение к военной необходимости должно и впредь носить исключительный характер, поскольку с самого начала нормы права принимались людьми, прекрасно знакомыми с реальностями войны и ее трудностями³. Это право предъясвляет необходимый минимум требований гуманности, и его необходимо уважать.

б) Можно утверждать что, благодаря своей непредвзятости и тем высоким идеалам, которым они служат, а также в силу своих глубоких исторических традиций и широкого распространения в мире Женевские и Гагские конвенции в значительной степени представляют собой не просто взаимообязывающие договоры, ограниченные рамками взаимоотношений между государствами, а являются абсолютными и всеобщими обязательствами.

Гуманитарное право состоит не только из писаных законов, но и из обычных правил, которые в свою очередь также будут систематизированы. Да и все это право есть, по сути, подтверждение старых обычных правил, доработанных и дополненных в процессе их систематизации. Было решено, что эти великие хартии гуманизма должны носить декларативный характер. Это было решением Нюрнбергского Трибунала о Гагском положении.⁴ Соответственно, они

³ Frédéric de Mulinen, *Nécessité militaire et lieux protégés par le droit de la guerre*, in the *Revue militaire suisse de Lausanne*, N 11 of November, 1906.

⁴ Трибунал, безусловно, обратился бы и к Женевским конвенциям, если бы они были на тот момент так же подробно разработаны, как сейчас.

объединяют государства, которые, фактически, не являются их участниками.

Во всех Женевских конвенциях содержится статья, дающая возможность странам-участницам денонсировать их, то есть, в одностороннем порядке выйти из сообщества государств-участников Конвенции через год после объявления об этом своем намерении. Сейчас это, однако, чистая формальность. С момента подписания первой Женевской конвенции более столетия назад ни одно государство не воспользовалось этой возможностью. Как же можно допускать, что в будущем какая-либо держава отвергнет такие элементарные законы цивилизованности?

Наряду с этими существенно важными принципами гуманизма Женевские конвенции содержат всевозможные второстепенные положения, в том числе зачастую весьма подробные описания процедуры их применения. Если бы можно было предположить, что какое-либо государство дерзнет денонсировать какую-либо из Женевских конвенций, — что, я повторяю, маловероятно, — то это означало бы отречение только от этих правил. Это не было бы ни отречением от основных принципов, ни уклонением от обязанности их соблюдать, поскольку эти принципы являются неотъемлемой частью международного права, систематизированных вековых традиций.

в) Обычно принято считать, что невыполнение соглашения одной из сторон освобождает вторую сторону от ее обязательств или оправдывает аннулирование документа, как в случае с обычными контрактами. Но это правило не распространяется на Женевские конвенции, которые остаются в силе при любых обстоятельствах и не подчиняются условию взаимности. Трудно себе представить, например, что одна из воюющих сторон будет преднамеренно плохо обращаться с военнопленными или убивать их, потому что так поступает другая сторона. Это было бы вопиющим нарушением принципа гуманизма, и пострададут от этого только невинные. В то время как целью большинства соглашений является защита интересов заключающих их сторон, гуманитарное право по самой сути

своей стоит на более высоком уровне, так как оно занимается судьбами людей, а не обменом товаров и услуг. Это свод объективных норм, представляющий всему миру гарантии, на которые имеет право каждый человек. Это вопрос не коммерческой выгоды, а жизни человека.

Наконец, если одна из сторон перестала руководствоваться одной из Женевских конвенций на том основании, что так же поступает ее противник, она прибегнет к репрессалиям против покровительствуемых лиц, а Конвенции недвусмысленно запрещают репрессалии. Этот принцип недавно нашел подтверждение. Статья 60 Венской конвенции от 25 мая 1969 г. о праве договоров гласит, что значительное нарушение многостороннего договора одной из сторон дает право другим сторонам отложить выполнение условий договора на время или навсегда. Значительным считается нарушение такого положения договора, которое является существенным для достижения цели договора.

Однако, эта же статья оговаривает исключение из этого правила для «пунктов, относящихся к защите человека, содер-жащихся в договорах гуманитарного характера; в частности, положений, запрещающих любые формы репрессалий против людей, находящихся под защитой этих договоров».

г) Применение гуманитарного права никогда не должно зависеть от каких бы то ни было условий. Однако, правительства неоднократно ставили свое соблюдение норм в зависимость от определенных требований, предъявляемых ими противнику, обычно военного или политического характера, не имеющих никакого отношения к Женевским конвенциям и часто являющихся надуманными. Все мы знаем, что нет ничего опаснее, чем юридический вымысел, получивший сейчас такое распространение и так разъедающий международные отношения.

Например, были случаи, когда государства откладывали применение гуманитарного права до формального признания их стран или третьих стран противниками; до отступления вражеской армии на другую линию обороны; и особенно до придания особого статуса конфликту — международного, внутреннего или войны за освобождение.

МККК в обращении от 21 января 1974 г. указал на то, что это часто препятствует его гуманитарным акциям и привлек внимание «к опасной практике объединения политики и гуманитарных акций, которые из-за этого сильно извращаются». МККК далее заявил, что «обязательства, содержащиеся в Женевских конвенциях, носят абсолютный характер, и что каждое государство торжественно взяло на себя односторонние обязательства перед другими государствами по соблюдению при любых обстоятельствах, даже без взаимности со стороны других стран, правил и принципов, которые оно признало жизненно важными».

Пришло время заявить во всеулышание, что гуманитарное право — не предмет торговли. Люди, не способные более принимать участие в бою из-за ранения или по другим причинам, или же вообще непричастные к войне, не должны вовлекаться ни в какие политические игры. Нам говорят, что «война — это продолжение политики другими средствами». Сегодня было бы правильнее сказать: «Политика — это война, которую ведут другими средствами». Более знакомый термин — «холодная война».

Подобный расчет обязательно вызовет аналогичные ответные меры, падение авторитета закона, а в конечном счете — всеобщее и катастрофическое ухудшение условий ведения военных действий.

д) Еще одно подобное искажение было допущено в конце второй мировой войны. Было мнение, что те, кто нарушил законы войны, должны быть лишены защиты этих законов.

В ответ на это лучше всего процитировать заявление, сделанное Пьером Буассье от имени МККК на Международной конференции Красного Креста в Тегеране в 1973 г.:

— Это очень опасное рассуждение. Если его принять, то любая держава, взявшая в плен солдат противника, сможет просто обвинить их в нарушении какого-либо положения права войны, чтобы избежать всякой ответственности, налагаемой Конвенциями. Этого нельзя допустить. Покровительствуемые лица,

например, военнопленные, интернированные гражданские лица, жители оккупированных территорий — это те люди, которые силой обстоятельств оказались в руках противника. Это самое опасное положение для любого человека, так как вся ненависть, порожденная войной, падет на его беззащитную голову. Поэтому этих людей и надо защищать законом, как следует кормить, предоставить им надлежащий кров, одежду и справедливый суд. Ведь виновного пленного можно судить; Женевские конвенции это разрешают и даже настаивают на этом при определенных условиях. Но судить его необходимо в рамках определенных гарантий, удовлетворительных с точки зрения любого цивилизованного государства. Такая юридическая защита существует. Она должна действовать независимо от причины, побудившей страну, гражданином которой является пленный, взяться за оружие. Эти соображения лежат в сфере права начинать войну (лат. *jus ad bellum*), и не должны оказывать влияния на обращение с военнопленными. Это было мудрое решение и поистине достижение цивилизации — провести четкое различие между правом войны и правом начать войну. Для начала это различие надо осознать, а потом тщательно оберегать».

3. Право и индивидуум.

Этот заголовок затрагивает такую глобальную проблему, что ее нельзя полностью охватить в этом курсе. Предоставляет ли гуманитарное право какие-либо права индивидууму, или только государству, гражданином которого он является?

До недавнего времени преобладало мнение, что только государства являются субъектами международного права. Сейчас слышатся все более либеральные голоса, утверждающие, что международное право может предоставлять права отдельным личностям. Несмотря на то,

что в положениях Конвенций говорится, что это соглашение между государствами, не вызывает сомнения, что их настоящей целью является защита человека. Государство само по себе не цель, а средство, и существует только благодаря людям, из которых оно состоит.

Эта концепция развивалась в большой степени благодаря Красному Кресту. В 1949 г. Женевские конвенции вступили на этот новый путь: в статье 7, общей для первых трех Конвенций и в статье 8 четвертой Конвенции говорится, что покровительствуемые лица «ни в коем случае не смогут отказываться, частично или полностью, от прав, которые им обеспечивают настоящая Конвенция и специальные соглашения, предусмотренные в предыдущей статье, если таковые имеются». Статья о специальных соглашениях, упомянутая таким образом, гласит, что «Ни одно специальное соглашение не должно наносить ущерба положению покровительствуемых лиц, установленному настоящей Конвенцией, ни ограничивать прав, которые она им предоставляет». Остальные положения рассказывают о средствах, с помощью которых индивид может добиться соблюдения своих прав.

Наблюдается относительный прогресс в сфере прав человека, нашедший отражение в статье 26 Европейской конвенции, дающей частным лицам право апеллировать к Комиссии по Правам Человека, являющейся юридическим органом.

Нет ли противоречий между этими четко сформулированными документами и узкой и двойственной интерпретацией, предлагаемой старой школой? Можно ли обвинить их в ошибочности? Конечно, нет. Исключений из традиционных правил стало так много и они настолько существенны, что сами правила стали недействительными. Как было сказано профессором Бартосом, положения гуманитарного права «перешли из области договоров, в область договорного права.» Это превращение необратимо.

Мы уже говорили и будем снова и снова говорить о положениях, утверждающих приоритет личности и в то же время сотрясающих основы, когда-то казавшиеся незыблемыми, — государственный суверенитет. Это не

разрозненные примеры, а элементы медленного, но неуклонного развития международного права. Начало этому процессу положили философы-мыслители XVIII-го века; он продолжался — на международном и внутрисоциальном уровне — как составная часть либерального движения в XIX-ом веке. Сейчас он подходит к своему логическому завершению.

Поскольку это развитие гуманитарного права началось с договоров, некоторые авторы говорят о коллективном самоограничении государственной власти. В более широком смысле, государства согласились подчиниться международному праву, непрерывно расширяющему сферу своего влияния, и таким образом ограничить свою свободу братья за оружие для решения возникающих проблем и вести военные действия, пользуясь неограниченным выбором методов и средств.

Женевские конвенции содержат множество примеров этой тенденции. Уже после подписания первой Конвенции в 1864 г., в которой было соглашение о гуманном обращении с ранеными независимо от их национальности, государства в какой-то степени взяли на себя обязательства по отношению и к собственным гражданам. Это было еще более четко подчеркнуто в четвертой Конвенции 1949 г., часть II которой относится «ко всему населению стран, участвующих в конфликте».

Государства ограничили свою власть в 1929 г., согласившись на международный контроль со стороны Держав-покровительниц и МККК за соблюдением Конвенций посредством нейтральных представителей, работающих на их территории. Они также разработали систему санкций, способствующих обеспечению соблюдения гуманитарных норм. С этого момента государствам пришлось положить конец нарушениям и наказывать нарушителей. К тому же, они отказались от системы репрессалий, по крайней мере, против лиц, пользующихся защитой Конвенций.

Решительный шаг был сделан в 1949 г. с принятием статьи 3, общей для всех Конвенций. Государство больше не являлось полновластным хозяином в доме и не могло

обращаться со своими подданными, восставшими против установленного порядка, как ему заблагорассудится. Теперь у него появились обязательства перед революционерами.

Статья 3 стала только первым шагом и оставила столько нерешенных вопросов, что необходима была дальнейшая работа. Соответственно, один из двух Дополнительных протоколов 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. целиком посвящен конфликтам немеждународного характера. Дипломатическая конференция, следуя в этом отношении проекту, выдвинутому МККК, продолжила попытки, начатые в 1949 г., урегулировать внутринациональные конфликты с помощью международного права. Надо признать, что это не лучший выход из положения, но ничего лучшего пока не найдено. Неотъемлемая функция международного соглашения — связать обязательствами друг перед другом государства, участвующие в нем. Государства, подписавшие Женевские конвенции, обязаны в случае военного конфликта обращаться с гражданами других стран в соответствии с определенными гуманитарными правилами.

В случае внутреннего конфликта дело обстоит по-другому. Формально каждое государство берет на себя обязательства перед другими странами, подписавшими Конвенции, в случае внутреннего конфликта гуманно обращаться с собственными гражданами.

Видно невооруженным глазом, что обязательства перед другими странами, которые могут быть в нем абсолютно не заинтересованы, — второстепенны, являясь только средством, а не целью. Настоящие обязательства государство берет перед любой группой своих граждан, которые могут восстать против него. Ведь именно они выигрывают от этого, а не другие государства, чье вмешательство, скорей всего, будет нежелательным. Кроме того, как и в случае с правами человека, существуют моральные обязательства перед всем человечеством. Предоставление прав индивидам производит гораздо большее впечатление во время внутреннего конфликта, чем международного.

Наконец, стало понятно всем, что роль международного права заключается в предоставлении всем людям в любое время, по крайней мере, минимума прав, которые можно

отстаивать перед властями в своих собственных странах. Работа в этом направлении будет продолжаться, поскольку она вполне соответствует социальным потребностям и человеческой природе. Но вряд ли удастся завершить ее, пока эти права не будут утверждены соответствующими юридическими и контролирующими органами, которые сами будут опираться на международную силу, способную проводить в жизнь их решения. Для достижения этой цели нам, безусловно, потребуется новая мировая структура, сравнимая с внутренней структурой национальных государств.

Когда все эти средства будут в нашем распоряжении, возможно, сама война больше не будет частью нашей нормальной жизни и смерти. Пока все это еще далеко от нас, но прошли те времена, когда государства, ради «собственного удовольствия» могли презрительно относиться к самым основным правам своих подданных, хотя, как это ни прискорбно, государства все еще претендуют на абсолютный суверенитет в этой области. Профессор Стефан Гласер сказал: «Давно пора заменить идею господства государства идеей господства закона». Дело в том, что настоящая власть — это закон, поскольку государство ему подчиняется. Нельзя больше утверждать, что суверенитет государства превышает священных прав человека.

I. История

- J.-Henry Dunant - *A Memory of Solferino, American Red Cross, Washington, 1959.*
- G. Moynier and L. Appia - *La guerre et la charité, Geneva, 1867.*
- E. Gütirt - *Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenflege im Kriege, Leipzig, 1873.*
- Henri Coursier - *Etudes sur la formation du droit humanitaire, Geneva, 1952.*
- Pierre Boissier - *Histoire du Comité international de la Croix-Rouge, vol.I, Paris, 1963.*
- André Durand - *History of the International Committee of the Red Cross, vol.II, Geneva, 1984.*
- G.I.A.D. Draper - *The Interaction of Christianity and Chivalry in the Historical Development of the Law of War, in International Review of the Red Cross, Jan. 1965.*
- Goetz Fehr - *Geschichte der Menschlichkeit, 1968.*
- Ian Harding - *The Origins and Effectiveness of the Geneva Conventions, 1969 (unpublished).*
- Jean Graven - *Le difficile progrès du règne de la justice et de la paix internationale par le droit, 1970.*
- Frédéric Siordet - *Inter arma caritas, Geneva, 1947.*

II. Принципы гуманитарного права

Max Huber - *La pensée et l'action de la Croix-Rouge*, Geneva, 1954.

Jean-G. Lossier - *Les civilisations et le service du prochain*, Paris, 1958.

Jean Pictet - *The Principles of International Humanitarian Law*, Geneva, 1966.

Marcel-A. Boisard - *L'humanitarisme de l'Islam*, Paris, 1979.

III. Женевские конвенции

G. Moynier - *Etude sur la Convention de Genève*, Paris, 1870.

M.-C. Lüder - *La Convention de Genève, au point de vue historique, critique et dogmatique*, Erlangen, 1876.

R.-M. Frick-Cramer - *Le CICR et les Conventions internationales pour les prisonniers de guerre et les civils*, Geneva, 1943.

A.-R. Werner - *La Croix-Rouge et les Conventions de Genève*, Geneva, 1943.

Jean Pictet - *La Croix-Rouge et les Conventions de Genève. Recueil des cours de l'Académie de Droit international de La Haye*, Paris, 1950.

R.-J. Wilhelm - *Le caractère des droits accordés à l'individu dans les Conventions de Genève*, Geneva, 1950.

Claude Pilloud - *La question des otages et les Conventions de Genève*, Geneva, 1950.

Final Record of the Diplomatic Conference of Geneva of 1949, Berne, 1950 and 1951.

The Geneva Conventions of 1949. Commentary published under the general editorship of J. Pictet. 4 vols., Geneva, 1958.

Report of the ICRC on its Activities during the Second World War, 3 vols., Geneva, 1948.

Franz Scheidl - *Die Kriegsgefangenschaft, von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart*, Berlin, 1954.

J.-P. Maunoir - *La répression des crimes de guerre devant les tribunaux français et alliés*, Geneva, 1956.

Claude Pilloud - *Reservations to the 1949 Geneva Conventions*, Geneva, 1958 and 1965.

Henri Coursier - *Course of Five Lessons on the Geneva Conventions*, Geneva, 1962.

Jean Siotis - *Le droit de la guerre et les conflits d'un caractère non international*, Paris, 1958.

Jacques Moreillon - *Le CICR et la protection des détenus politiques*, Geneva, 1973.

Jean Pictet - *Humanitarian Law and the Protection of War Victims*, Leiden, 1973.

Dietrich Schindler - *Die Anwendung der Genfer Rotkreuzabkommen seit 1949, A.S.D.I.*, 1975.

Bibliography of International Humanitarian Law, International Committee of the Red Cross and Henry Dunant Institute, Geneva, 1980.

IV. Право войны

Paul Fauchille - *Traité de droit international public*, Paris, 1921.

La protection des populations civiles contre les bombardements,
Consultations, Geneva, 1930.

Quincy Wright - *A Study of War*, London, 1942.

D. Schindler and J. Toman - *The Laws of Armed Conflicts*,
Geneva, 1981.

L. Oppenheim (Ed. Lauterpacht) - *International Law*, London,
1948.

Paul Guggenheim - *Traité de droit international public*, Geneva,
1954.

*Draft Rules for the Limitation of the Dangers incurred by the Civilian
Population in Time of War*, ICRC, Geneva, 1958.

Jean Pictet - *La restauration nécessaire des lois et coutumes
applicables en cas de conflit*, Geneva, 1969.

Frits Kalshoven - *Belligerent Reprisals*, Leiden, 1971.

Frits Kalshoven - *The Laws of Warfare*, Leiden and Geneva, 1973.

Michel Veuthey - *Guérilla et droit humanitaire*, Geneva, 1976.

Yves Sandoz - *Des armes interdites en droit de guerre*, Geneva,
1975.

F. de Mulinen - *Pour un enseignement efficace du droit de la guerre*.
Revue militaire suisse, Lausanne, No. 3, March 1976.

F. de Mulinen - *A propos de la Conférence de Lucerne et Lugano
sur l'emploi de certaines armes conventionnelles*, *Annales d'études
internationales*, Geneva, 8, 1977.

Международный комитет Красного Креста (МККК), Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и признанные Национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца составляют вместе Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца.

Независимая гуманитарная организация МККК является основателем Движения. Выступая нейтральным посредником в случае вооруженных конфликтов или беспорядков, она направляет свои усилия на обеспечение защиты и помощи жертвам международных и немеждународных вооруженных конфликтов, внутренних волнений и напряженности либо по своей инициативе, либо на основании положений Женевских конвенций.

Данная работа представляет собой зрелые размышления Ж. Пикте о принципах и развитии международного гуманитарного права, которое он прослеживает с древних времен и до наших дней. Он не пытается избежать рассмотрения центральных вопросов гуманитарного права, и среди них таких, как права и обязанности воюющих сторон и выбор «средств нанесения ущерба».

МККК
ПУБЛИКАЦИИ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ
КРАСНОГО КРЕСТА**